

Анатолий Жигулин

ВСТРЕЧА С ВОРОНЕЖЕМ

(родной край в лирике поэта)

Воронеж
2021

УДК 721.161.1
ББК 83.3(2=411.2) 6
Ж68

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области*

Жигулин А. В.

Ж68 Встреча с Воронежем (родной край в лирике поэта)/
Составители – О. Г. Ласунский, Г. М. Умывакина. Иллюстра-
ции – Н. В. Фролова. – Воронеж, 2021. – ООО «ТПС». – Там-
бов, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-907349-37-7

Воронежский уроженец Анатолий Владимирович Жигулин (1.I.1930 – 6.VIII.2000) – один из выдающихся поэтов России XX века. Узник сталинских лагерей, позднее московский житель, он никогда не порывал духовных связей со своей малой родиной. Настоящий сборник, приуроченный к 90-летию автора, – прямое тому свидетельство. В приложении к книге приводятся соответствующие фрагменты из дневников А. В. Жигулина.

УДК 721.161.1
ББК 83.3(2=411.2) 6

ISBN 978-5-907349-37-7

© А. В. Жигулин, 2020
© ООО «ТПС», 2020

«МИЛАЯ МОЯ СТОРОНА...»

«Встреча с Воронежем» – один из самых ранних творческих опытов Анатолия Владимировича Жигулина. Текст относится к осени 1954 года, когда бывший заключённый сибирских и колымских лагерей вернулся, наконец, под домашний кров. Стихотворение стоит у истоков большого массива разновременных написанных произведений, постепенно сложившихся в неформальный цикл, посвящённый малой родине автора. Это устойчивое чувство сопричастности к судьбам отчего края А. В. Жигулин пронёс через всю свою многотрудную жизнь...

Уверенные в себе провинциальные сочинители издавна тянулись в центр: откуда было легче докричаться со своими бедами и болями до остальной России? Столичные жернова работали безостановочно, перемалывая всю эту пришлую ватагу. Выживали те, кому было действительно что сказать людям. В нестройном хоре поэтических голосов надлежало прорезаться чистой, незаёмной нотой: только в этом случае у автора появлялся шанс на обретение своего заинтересованного читателя.

Лирика А. В. Жигулина не отличалась разнообразием содержания, зато была предельно

сосредоточена на нескольких принципиально важных для автора темах. Из них стержневой стала участь своего поколения, обречённого на заклание бесчеловечным сталинским режимом. При всей индивидуальности своей личной биографии Жигулину удалось придать последней вполне типологические черты. В его стихах отразилась трагедия множества современников... Под напором внутренних побуждений Жигулин, не оставляя рифмы, обратился к суровой прозе. Его «Чёрные камни» дополнили перечень книг, изобразивших страну, истерзанную незаконными политическими репрессиями. После первой публикации повести (это произошло в 1988 году на страницах журнала «Знамя») к автору хлынул поток благодарных читательских писем.

Жигулин вовсе не был глух и к традиционным для лирики мотивам. Любовные строки, обращённые преимущественно к супруге Ирине, тоже воронежке, отличаются исключительной искренностью. Частные интимные сюжеты преобразуются под жигулинским пером в мастерски отточенные миниатюры, способные взволновать любую, чуткую не только к собственным переживаниям душу...

Ещё один крупный тематический пласт его стихов – произведения, пронизанные земляческими настроениями. Именно они и составляют

содержание настоящего сборника. Не секрет: многие литераторы из глубинки, жаждущие покорить Москву и отчасти этого уже добившиеся, быстро забывают о своих отеческих краях. Жигулин, вовлечённый в столичную круговерть, напротив, только острее ощутил свои духовные корни, свою кровную связь с тем уголком России, где он вырос и возмужал. Свой долг перед малой родиной поэт возвратил с лихвой...

Появившись на свет в Воронеже, Анатолий несколько начальных лет провёл в одном из степных сёл, что на юге нашей области. Позднее ему довелось поскитаться едва ли не по всей родимой сторонке. Образ этой близкой сердцу срединной России возникает в художественном сознании Жигулина совершенно явственно. По его стихам можно изучать географию нашего края. Бобров, Битюг, Богучар, Борисоглебск, Калитва, Коршево, Лиски, Подгорное, Рождественская Хава, Россошь, Сагуны, Углянец – все эти региональные метки присутствуют в приведённых далее текстах и обозначают маршруты послевоенных жигулинских странствий. Кажется, среди воронежских лириков трудно найти другого автора, который нанёс бы на мысленную карту своего края такое обилие реальных населённых пунктов... Образ голодной, измордованной войною России запечатлен

в стихах о деревеньке Утиные Дворики, где холодной осенью 1945 года случайно оказался вынужденный бродяжить Жигулин. Этих Двориков давно нет и в помине, но из читательского воображения они уже никуда не исчезнут: такова магия эстетического воплощения. Материализованный в поэтическом слове образ исстрадавшейся донельзя страны обретает мощь общенациональной символики.

Жигулин, уже будучи столичным жителем, много поколесил по градам и весям. У него есть немало стихотворений, написанных по следам своих поездок по Русскому Северу, Прибалтике, Закавказью, Средней Азии... Поэт жадно впитывал путевые впечатления, чтобы потом воплотить их в чеканные строки. Но куда бы ни заносило нашего земляка (а бывать ему доводилось и в Европе), внутренним взором, а порой и собственной персоной он непременно возвращался к домашнему очагу, в свои «чернозёмные поля». Топографические приметы соответствующих мест разбросаны по многим жигулинским произведениям, и это обстоятельство позволяет нам сегодня совершить увлекательную виртуальную прогулку по любимому краю и его административно-территориальному центру.

Петровский сквер, Чернавский мост, Пеше-Стрелецкая улица, Острожный бутор, Песчаный лог,

Касаткина Гора (ныне улица Авиационная), слободы Придача и Чижовка – эти и другие знаковые воронежские названия органично вплетаются Жигулиным в словесную ткань. Никаким напастям взрослой жизни не дано было вытравить из памяти поэта картины его отроческих и юношеских дней. Большинство «воронежских» строк Жигулина способно восприниматься нынешними читателями, прежде всего из числа молодёжи, как некий лирический путеводитель по примечательным уголкам нашего края. Частота обращения стихотворца к земляческим сюжетам не оставляет сомнений: столичная суета никак не вытеснила из его сознания раздумий о судьбах милой с детства земли.

Жигулину присуще обострённое чувство непрерывно текущего времени. Писателю одинаково удобно пребывать в разных эпохах, его вовсе не смущают никакие хронологические границы. Прошлое постоянно о себе напоминает, порой даже безапелляционно вторгается в теперешнее бытие. Минувшее обрастает образной плотью, глядит на нас ликами древних русичей. Жигулин пристальным взором всматривается в региональную старину – она воспринимается им как неотъемлемая часть отечественной истории...

Романтически окрашенная баллада о беглом крепостном мужике Иване Жигуле написана

на эмоциональном пределе, а сам герой обретает черты почти былинного богатыря. Это стихотворение – оно называется «Предок» (1959) – часто декламируется на разных публичных мероприятиях, когда возникает необходимость напомнить слушателям о славном историческом наследии нашего края... Многие воронежские старожилы ещё помнят трёхлапый якорь, украшавший когда-то Петровский сквер наряду с чугунными пушками. Жигулинский «Якорь» (1958) сохранил послевоенный облик зелёного островка посреди городской застройки... Своему одноземцу, литературному критику В. И. Гусеву Жигулин в 1976 году посвятил стихотворение, в котором ласкают слух названия довоенных, ещё не мощённых воронежских улочек. Воспроизведённые автором городские пейзажи остались только в генетической памяти представителей старшего поколения.

Урбанистические мотивы в поэзии А. В. Жигулина – не просто желание автора отметить собственное пребывание в разных точках России. Разумеется, как любому литературному непоседе ему не терпелось засвидетельствовать в стихотворной строке своё восприятие иномосковских достопримечательностей. Однако включение в лирический текст различных географических обозначений требовалось

автору прежде всего для того, чтобы подчеркнуть куда более существенное соображение: нет ни для кого из нас святее места, чем то, где мы когда-то качались в колыбели!

Раздумья Жигулина о причинах извечной душевной привязанности людей к адресам своей молодости сопрягаются с мыслями о той большой, не похожей ни на одну другую стране, в которой человеку довелось впервые увидеть Божий мир. Патриотические, в лучшем значении этого слова, устремления свойственны многим даровитым авторам из жигулинской генерации. Но, похоже, именно наш земляк добавил необходимую долю пафоса этой традиционной теме. В творческой копилке Жигулина найдётся немало стихов, где с использованием колоритных локальных подробностей представлены картины много-страдальной матушки Руси.

И вот что любопытно: даже при самом белом знакомстве с лирикой Анатолия Жигулина невольно обращает на себя внимание та на редкость высокая степень концентрации, с какой в его лексиконе эксплуатируется слово «родина» (пишется то с большой, то с маленькой буквы – в зависимости от контекста). Стиховая речь буквально им полнится. Слово-понятие «родина» для автора – ключевое, опорное по своему смыслу, без него никак не обойтись...

Учитывая эту склонность поэта к созданию всеобъемлющего образа Родины, сотканного, вместе с тем, из вполне определённых лиц, событий, пейзажей, решено было предпослать «воронежским» по содержанию стихам подборку лирических миниатюр более широкого, так сказать, «отчизноведческого» плана. Они способны претендовать на роль эмоционально насыщенного пролога к основному корпусу стихов, непосредственно привязанных к местной топографии.

И ещё: желание раздвинуть рамки избранной нами проблематики побудило обратиться к жигулинским дневникам, хранящимся в фондах Воронежского областного литературного музея имени И. С. Никитина. В них тоже встречаются отклики на различные эпизоды из общественного быта земляков. Эти материалы уже успел частично учесть в своих работах филолог В. В. Колобов (Воронеж). Он и подготовил к публикации в данном сборнике соответствующие фрагменты из дневниковых записей А. В. Жигулина.

Нам показалось, наконец, вполне уместным включить в состав книги жигулинские «Страницы автобиографии», предварившие в значительной мере итоговый сборник поэта «Из разных лет, из разных далей» (Москва, 1986). В этом мемуарном тексте присутствует немало

выразительных деталей, могущих обогатить читательское представление о характере никогда не прекращавшихся творческих и житейских связей москвича со своей ненаглядной степной сторонкой.

Р. С. В Воронеже имя Анатолия Владимировича Жигулина носят: одна из новых улиц на Левом берегу и массовая библиотека № 9, расположенная на Ленинском проспекте, неподалёку от дома, где доживали свои последние дни родители поэта. В этой библиотеке, по всей вероятности, и пройдёт первая презентация настоящего сборника.

*Олег Ласунский,
член Союза российских писателей*

СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ

Родился я в Воронеже 1 января 1930 года. Но первые несколько лет прожил в воронежском селе Подгорном, где мой отец работал начальником почты. Там я впервые увидел и ощутил землю: чернозем, полынная степь, тихие степные речки с ивняками, меловые обрывы... Самое мое раннее детское зрительное воспоминание такое. Раннее утро, роса, огород за почтой. Большие, просто огромные синеватые кочаны капусты и крупные на них капли росы. И такая свежесть, чистота и тишина... Может, меня и вправду нашли в той капусте?..

Первые встречи с землей. В это же время и первые встречи с поэзией. Моя мать Евгения Митрофановна Раевская много читала нам вслух – мне и моему младшему брату. Одна из первых книг – «Кавказский пленник» Л. Толстого. Оба мы горько рыдали, когда описывались страдания Жилина и Костылина в татарском плену. Одно из первых услышанных в детстве стихотворений:

*Поздняя осень. Грачи улетели.
Лес обнажился, поля опустели.
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.*

Мать вообще любила стихи и много их знала. В семье хранился ее девичий гимназический альбом с любимыми стихотворениями. Перед стихами были рисунки (мать рисовала). Одинокий домик с соломенной крышей в пустом поле. Стога сена. Колодец с журавлем. И в небе косяк улетающих птиц. И снова стихи:

*Вырыта заступом яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая...*

А отец рассказывал нам сказки. Вернее, одну и ту же сказку «Про Илью Муромца и Соловья-разбойника». Диким свистом свистел Соловей-разбойник. Пугался свиста и припадал на передние ноги богатырский конь. А Илья Муромец ругал своего коня: «Ах ты, волчья сыть! Травяной мешок!...» Других сказок отец мой не знал, но и одна эта никогда не надоедала. Совсем недавно эта былина попалась мне в каком-то сборнике, и я удивился близости текста к тому, который я запомнил в начальные свои годы. А ведь отец, по его словам, знал эту сказку вовсе не по книге, а от своего отца, моего деда (матери своей

отец мой не помнит, она умерла, когда ему было два года).

Году в 36-м наша семья переехала на родину матери, в Воронеж. Мы поселились на тихой улочке Лассалья в одном доме с братьями и сестрами матери – большой бедной, но дружной и веселой семьей Раевских, потомков первого декабриста и поэта Владимира Федосеевича Раевского. В детском моем воспитании, кроме родителей, участвовали и мои дяди и тети Раевские. Всем им я очень благодарен.

О войне объявили из большого черного круглого репродуктора, а спустя год она ворвалась в Воронеж немецкими танками. Это был неожиданный прорыв. Мы с братишкой оказались отрезанными от города в детском санатории в селе Чертовицком, километрах в двадцати севернее Воронежа. Никто не знал, что творится в Воронеже, была только слышна канонада, а ночью были видны пожары. Детей решили отвезти в город к родителям. Маленький санаторский автобус был набит до отказа. Я успел втиснуться, но для брата Славки места не было, а оставить его я не мог и не хотел. Пришлось остаться, ждать второго рейса. Но автобус не вернулся. Позже узнали: вблизи города в автобус попала бомба. Там было много детей папиных сослуживцев. Отец узнал об этом и считал нас погибшими.

А мы со Славкой пытались пройти в горящий Воронеж. Навстречу катилась беспорядочная масса машин, повозок, бойцов. Шли обочиной по лесу. Низко

летали самолеты. Ясно были видны черные кресты на крыльях. Раздался вдруг необычный, какой-то железный, густой свист, нарастающий и дикий. Кто-то крикнул: «Бомба!..» В ужасе бросились мы на землю, на траву под деревьями. Раздались взрывы, ударило волною в уши, сознание померкло, заходила, заколыхалась земля... Мы лежали, обняв друг друга за плечи, держась за корявые корни дуба. Смердный дым и запах тротила. И тишина... Когда встали, увидели: все вокруг изуродовано. Черные ямы воронок. И всюду – на траве, на деревьях – кровь, земля, обрывки одежды. Стоны раненых. Четырех красноармейцев положили на телегу, – с нами были еще другие дети, была девушка-пионервожатая и еще кто-то из взрослых. Видимо, санаторский кучер. Вернулись. Санаторий был уже пустым... Раненые к утру умерли. Могилу им вырыли (и я тоже копал) в саду возле санатория. А ночью мы почти не спали. На юге в полнеба полыхало зарево – догорал Воронеж.

На следующий день начались наши скитания. Небольшой группой мы ушли в лес: несколько детей, пионервожатая и чья-то мама (за кем-то она приехала из Воронежа, но вернуться уже не смогла). Шли лесными дорогами, но даже они прочесывались «мессершмиттами». Несколько раз мы попадали под пулеметный огонь. К вечеру пришли в село Старое Животинное, там ночевали. Рано утром нас переправили на левый берег реки Воронеж на большом черном смоляном баркасе. Заливные луга. Когда шли к

лесу открытым лугом, нас снова обстрелял немецкий самолет. Жили на кордоне Песчаном. Было относительно спокойно. Иногда приходили партизаны. Вот тогда у одного парня я впервые увидел винтовку СВТ. С кордона Песчаного лесными дорогами мы вышли к железной дороге, к селу и станции Углянец. Наш путь был долгим и трудным. Во время этих беспризорных скитаний по Воронежской области во фронтовой полосе во мне окрепла зародившаяся еще в Подгорном любовь к земле, к природе, к деревне. Я узнал, увидел и принял в сердце многие дорогие мне обычаи и понятия, картины средней, лесостепной России.

Отец нашел нас случайно поздно осенью в селе Анна, километрах в ста восточнее Воронежа. Только теперь, когда у меня самого есть сын, я могу представить себе и страдания моего отца, когда он узнал об автобусе, и его радость, когда он нас встретил! Он изъездил за лето всю неоккупированную часть области, везде спрашивал о двух мальчиках десяти- и двенадцатилетнего возраста. В поисках помогали ему работники районных и сельских контор связи. Зиму мы пережили в Борисоглебске. О матери и сестренке, которые остались в Воронеже, мы ничего не знали.

Я сравнительно подробно останавливаюсь на некоторых главных «нервно-эмоциональных» узлах своей жизни, чтобы читателю яснее были видны истоки моих стихов. Для поэта очень важна его судьба – его личный жизненный и душевный опыт. В творчестве, особенно

поэтическом, его ничем нельзя заменить, даже большими знаниями. Хотя они тоже очень нужны для творчества.

О возвращении в освобожденный, совершенно пустой и разбитый, родной город я написал несколько стихотворений – и в юности, и в зрелые годы. Лучшее из них, на мой взгляд, – «Больше многих других потрясений...». Любовь к родному городу занимала много места в моем детском, потом юношеском сердце. Позже иные боли и испытания потеснили ее. Но в детстве и ранней юности я любил Воронеж любовью особенной – одухотворенной, щемящей, заинтересованной. Мы (я, мой брат, товарищи, родные) гордились своим городом, его историей, каждым малым его достоинством. Вот почему в 1943 году при встрече с разрушенным, сгоревшим Воронежем боль была такой долгой и неутешной.

То же можно сказать и о нашем доме на улице Лас-саля. Больше всего люблю и вспоминаю всю жизнь именно его, хотя наша жигулинская семья жила там едва ли шесть лет. Но нет для меня в моей памяти роднее того дома. Может, потому, что его давно нет, потому, что он сгорел?.. Мы укрепили на пепелище кусок обгорелого железа и написали на нем мелом: «Мама! Мы живы! Наш адрес – Студенческая, 32, кв. 8. Папа, Толя, Слава». Но сами мы не знали, жива ли наша мать. Они с сестренкой нашлись только летом 1943 года... Вместе с нашим домом сгорели библиотека и архив Раевских (нашей ветви семьи Раевских; была еще близкая нам ветвь в Ростове, но она угасла, пропала еще до войны). Библиотеку я помню – золотые корешки Брокгауза и

Ефрона и многие другие книги. Помню какие-то документы – большие хрустящие листы с орлами, фотографии моего деда Митрофана Ефимовича Раевского – и в штатской форме, и в военной – со шпагой, с орденами. Когда смотрели снимки, мать иногда шепотом говорила мне:

– Потомственный дворянин... Кавалер орденов святой Анны, святого Владимира с мечами...

Сразу вмешивалась старшая сестра – тетя Катя:

– Что ты говоришь ребенку! Какой дворянин! Служащий!..

Бумаги и снимки эти прятали...

А вокруг Воронежа широко раскинулись поля недавних сражений. Взойдешь на взгорок за Гражданским аэродромом – и, насколько хватит взора, поля, плавные спуски к лугам, к Дону, – все изрыто, все покрыто телами убитых. Я хорошо помню лица погибших, этих восемнадцати-двадцатилетних мальчишек с длинными винтовками, принявших на себя в 1942 году страшный удар – лавину танков на земле и лавину бомб с неба. Промороженные, высушенные ветром, их тела хорошо сохранились к весне 1943 года... Я часто вспоминаю войну, часто обращаюсь к ней в творчестве, хотя сам не воевал, не успел по возрасту. Но я не просто видел войну. Я ее пережил. Мое сердце болело живой болью. Я видел врагов не в кино, а живыми. Они стреляли в меня. Это тоже опыт, тоже судьба. И она отразилась в моих стихах.

Стихи я начал писать в ранней юности, и они – уже тогда – были о пережитом, о войне. Году в 1947-м мне посчастливилось прочесть четырехтомник Есенина, изданный в конце двадцатых годов. Стихи Есенина потрясли меня. Они дали новый толчок моему творческому сознанию.

Наступил 1949 год, переломный в моей судьбе. В этом году мои стихи впервые появились в печати – в областной газете «Коммуна» и в альманахе «Литературный Воронеж». В этом году я окончил среднюю школу и поступил в Воронежский лесотехнический институт. В этом же году судьба распорядилась со мной по-своему: я попал сначала в Сибирь на железную дорогу Тайшет-Братск, а спустя два года – на Колыму, на золотые и иные рудники. Об этом периоде моей жизни (до 1954 г. включительно) читатель хорошо знает по «северным» моим стихам, таким, как «Хлеб», «Летели гуси...», «Бурундук», «Кострожоги» и другим. Они опубликованы в моих последних книгах: «Горящая береста» (1977), «Соловецкая чайка» (1979), «Жизнь, нечаянная радость» (1980), «Избранное» (1981), «В надежде вечной» (1983), «Стихотворения» (1984). Печатались они и раньше. Несмотря на особые условия и понятную горечь тех лет, это время явилось для меня большой жизненной школой, научило мужеству. Я был молод и здоров, а мир был жесток, но интересен. Очень хорошо об этом сказано у А. Межирова:

*Но даже смерть – в семнадцать – малость,
В семнадцать лет – любое зло
Совсем легко воспринималось,
Да отложилось тяжело.*

Хотя, конечно же, формула Межирова не бесспорна, но и в ней, как говорится, есть правда...

Осень, прозрачная осень 1954 года. Радость возвращения в родной город, в родные места – Угланец, Утиные Дворики, Подгорное... Это уже Россия. А Сибирь? Сейчас, через много лет, когда прошлое отстоялось в сердце и отразилось в стихах, я и Сибирь ощущаю одной из ипостасей Родины. Ведь лежит, звенит она там до сих пор, та железная дорога Тайшет – Братск, которую я строил. Между прочим, это начальный, самый западный участок нынешнего БАМа. А Колыма? Это там, на Колыме, спас я своего бурундука из одноименного стихотворения. Такой он славный зверек, и так хорошо он устроился в моих стихах, что меня самого друзья-поэты иногда называют бурундуком. А магаданские газеты трогательно рецензируют мои книги, называют своим, колымчанином. Значит, и без Колымы понятие Родины будет неполным. Все это неповторимое время – детство, война, тайга, вся эта необъятная наша Россия – давняя и сегодняшняя, все эти жизненные реалии, чувства и мысли и составляют главную поэтическую суть, ту почву, тот фундамент, на котором стоят мои стихи.

Это и есть Родина, это и есть судьба. А без судьбы, без личного переживания стихи невозможны. Ведь что такое поэзия? В самой общей форме: это выражение словами, стихами – чувства. А чтобы чувство выразить, надо его сначала пережить.

*Ветер свистит в сухом камыше
Близким посвистом зимних вьюг.
Больше того, что есть в душе,
Мы – увы! – не напишем, мой друг.*

В 1959 году в Воронеже у меня вышла первая книга – «Огни моего города», тоненькая и слабенькая. Но в ней, к счастью, уже были «Рельсы» и «Обвал». Еще не очень четко, но судьба начала отражаться в моих стихах.

В 1960 году я закончил Воронежский лесотехнический институт. Этот институт привел в соответствие с биологическими науками мою изначальную любовь к природе, дал мне бесценные знания, научил меня точности и бережности в общении с прекрасным миром трав, деревьев и зверей. По словам моих младших товарищей, уже после окончания мною института профессор И. Я. Шемякин, читая курс «Эстетики леса», цитировал мои стихи и говорил студентам:

– Чем хороши стихи Жигулина? Читаешь и видишь, в каком типе леса ты находишься...

Это, конечно, своеобразная похвала, но мне она дорога.

А в 1961 году мне выпало счастье познакомиться с Твардовским. Произошло это так. Воронежский критик и литературовед А. М. Абрамов послал Александру Трифоновичу вторую мою книжку стихов «Костер-человек» (я об этом не знал). Твардовский прислал нам телеграмму на Воронежское отделение Союза писателей с просьбой ко мне дать новые стихи в «Новый мир», а к Абрамову – написать обо мне статью для журнала. Так в первом номере «Нового мира» за 1962 год появился цикл моих стихов.

Иногда говорят, что Твардовский был очень строг к молодым поэтам, но мне открылся в нем прежде всего человек добрый и отзывчивый. За строгость принимали, видимо, его высокую требовательность к стихам. Я в шестидесятые годы много болел. Твардовский хлопотал об устройстве меня в московскую больницу, звонил хирургу, который меня оперировал. Запомнился один эпизод, который помог мне понять главную суть, главную задачу поэзии. Однажды Твардовский обратил внимание на одно из моих стихотворений, в котором обыгрывалась старинная поговорка «Москва слезам не верит». В стихах говорилось о жизненных испытаниях, об их преодолении. Заканчивались они словами:

*Я сам теперь не верю в слезы.
Я верю в мужество людей.*

Стихи понравились Твардовскому. Но лобовое окончание его не устроило:

– Перепишите конец! Сделайте его теплее, тоньше, человечнее. Знаю, что это трудно, но попробуйте раскалить, расплавить себя до того состояния, в котором писали... Зачем эта твердокаменность: «Не верю в слезы»? Слезам нужно верить... Перепишите! У вас должно получиться – это же ваша судьба!..

Эти слова Твардовского запали мне в душу. Высокая человечность и необходимость личного душевного и жизненного опыта – вот главные, важнейшие и непременные условия поэзии... Стихи я переписал. Они были приняты в журнал. Нынче я все чаще вспоминаю именно эту встречу с Твардовским и вспоминаю замечательные стихи великого поэта:

*Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете –
Живых и мертвых, – знаю только я.*

*Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому –
Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог.*

*А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.*

Я твердо верю, что вся суть действительно в этом – «единственном завете». И в своей поэтической работе пытаюсь ему следовать.

А. Жигулин

РОДИНА

Помню я: под сенью старых вишен
В том далёком,
В том донском селе
Жили пчёлы в камышовых крышах –
В каждой камышинке по пчеле...

Родина!
Простая и великая.
В давнем детстве, от беды храня,
Древними архангельскими ликами
Строго ты смотрела на меня...

А потом,
Позвав в края суровые,
Где весной не встретишь зелена,
Жизнь взвалила рельсы стопудовые
На худого, юного меня.

Я копал руду на Крайнем Севере.
Много лет я молока не пил.
Только ты, земля моя,
Не верила,
Что тебе я в чём-то изменил.

Всё прошёл я:
Трудные дороги,
Злой навет и горькую беду,
Чтобы снова пальцами потрогать
Пыльную в канаве лебеду.

Я опять с тобой,
Земля просторная,
Где за клином старого жнивья
Под горой стоит село Подгорное –
Родина негромкая моя;

Где висит над хатой
Месяц рыжий;
Где в прозрачной невесомой мгле
Пчёлы спят под камышовой крышей –
В каждой камышинке по пчеле...

1962

* * *

Полынный берег, мостик шаткий.
Песок холодный и сухой.
И вьются ласточки-касатки
Над покосившейся стрехой.

Россия... Выжженная болью
В моей простреленной груди.
Твоих плетней сырые колья
Весной пытаются цвести.

И я такой же – гнутый, битый,
Прошедший много горьких вех,
Твоей изрубленной ракиты
Упрямо выживший побег.

1965

О, жизнь! Я всё тебе прощаю.
И давний голод в недород,
И что увлек меня, вращая,
Большой войны круговорот.

Прощаю бед твоих безмерность –
Они устроены людьми.
Прощаю, как закономерность,
Измены в дружбе и любви.

Для всех утрат, былых и близких,
Я оправданий не ищу.
Но даже горечь дней колымских
Тебе я всё-таки прощу.

И только с тем, что вечно стынуть
Придётся где-то без следа,
Что должен я тебя покинуть, –
Не примирюсь я никогда.

1965

* * *

Вот и жизнь пошла на убыль,
Словно солнце на закат.
И серебряные трубы
В стылом воздухе звенят.

Жизнь моя! Сентябрь звенящий!
Время в прошлом торопя,
Всё отчетливей и чаще
Вспоминаю я тебя.

Вспоминаю ранний-ранний
С колокольчиками луг.
На изломах белых граней –
Солнце шумное вокруг.

Вспоминаю малым-малым
Несмышлёнышем себя...
К тем истокам,
К тем началам
Ты зовёшь меня, трубя.

1966

Воронеж!.. Родина. Любовь.
Всё это здесь соединилось.
В мой краткий век,
Что так суров,
Я принимаю, словно милость,
Твоей листвы звенящий кров.

Согрей меня скупой лаской,
Загладь печальные следы.
И приведи на мост Чернавский,
К раскатам солнечной воды.

И как навязчивая морочь,
Как синих чаек дальний плач,
Растает вдруг пустая горечь
Московских бед и неудач.

И что ты там, судьба, городишь?!
Тебе вовек не сдамся я,
Пока на свете
Есть Воронеж –
Любовь и родина моя.

1966

* * *

О, Родина! В неярком блеске
Я взором трепетным ловлю
Твои пролески, перелески –
Всё, что без памяти люблю:

И шорох рощи белоствольной,
И синий дым в дали пустой,
И ржавый крест над колокольной,
И низкий холмик со звездой...

Мои обиды и прощенья
Сгорят, как старое жнивье.
В тебе одной – и утешенье,
И исцеление моё.

1967

Здравствуй, степная деревня!
Белый сухой полынок.
Стали родные деревья
Чёрными пнями у ног.

Родина! Хатой саманной,
Стылой лозой у плетня,
Далью пустой и туманной
Снова ты манишь меня.

Ветер за старой повестью
Треплет кусты конопли.
Нет и не будет на свете
Ближе и горше земли.

Свет золотой и тревожный.
Что ещё там, впереди?
На обнажённые пожни
Скоро прольются дожди.

Всё ли я сделал на свете,
Чтобы спокойно глядеть
В дали холодные эти,
В эту сентябрьскую медь?

Может, за далью размытой,
За луговиной степной
Что-то навеки забыто,
Что-то потеряно мной?

Что там темнеет у стога
Сквозь просяное жнивье?
Может быть, это дорога
В дальнее детство моё?

Что там вечерняя синька
Прячет в просторе полей?
Может быть, это косынка
Матери старой моей?

1971

Родина! Белый туман
В чёрном лого под горою...
Не позабуду, не скрою
Боли, тревоги и ран.

Но в невесёлом пути,
В жизни, несущейся скоро,
Ты мне – любовь и опора,
Вечная радость в груди.

Этой тропой из села
К этой дороге чугунной
Матерью нежной и юной
Ты меня в детстве вела.

Каждой зимой и весной
Речкой, прозрачной и чистой,
Ивой, сухой, желтолистой,
Всюду ты рядом со мной.

От навесного огня
Этой заросшей канавой,
Глиной, холодной и ржавой,
Ты укрывала меня.

В годы печали и зла
Ты обо мне не забыла,
Поле моё сохранила,
Душу мою сберегла.

Всё, чем живу и дышу,
Знаю, а может, не знаю, –
Только тебе доверяю,
Только тебе расскажу.

1974

* * *

Жизнь! Нечаянная радость.
Счастье, выпавшее мне.
Зорь вечерняя прохладность,
Белый иней на стерне.

И война, и лютый голод.
И тайга – сибирский бор.
И колючий, жгучий холод
Ледяных гранитных гор.

Всяко было, трудно было
На земле твоих дорог.
Было так, что уходила
И сама ты из-под ног.

Как бы ни было тревожно,
Говорил себе: держись!
Ведь иначе невозможно,
Потому что это – жизнь.

Всё приму, что мчится мимо
По дорогам бытия...
Жаль, что ты неповторима,
Жизнь прекрасная моя.

1976

* * *

Перепёлка над пшеничным полем
И вечерний предзакатный лес.
Словно звон далёких колоколен
Тихо разливается окрест.

Тихий звон неведомо откуда...
На плохую жизнь не сетуй, друг.
Всё равно она большое чудо.
Лишь бы свет небесный не потух.

Лишь бы в нашей пасмурной России
Было всё, как в лучшие года.
Чтобы жили, сеяли-косили.
Чтоб не голодали никогда.

Чтобы травы были зеленее,
Чтобы больше было тишины.
Чтобы власти были поумнее,
Чтобы вовсе не было войны...

Я своей судьбой вполне доволен.
Я люблю такие вечера.
Перепёлка над пшеничным полем
Тихо призывает:
«Спать пора».

1980

Я многих потерял родных и близких.
В моей душе давно кровавый след.
Про десять лет без права переписки
Я знал, простите, в девять детских лет.

Слились во мне запретные две крови.
Дворянка – мать. Отец – крестьянский сын.
Потомок двух разгромленных сословий,
Я представляю нынче их один.

Один, как перст. В душе моей морока.
Я сам глотал урановую пыль.
Сам «оттянул» нелёгкие полсрока,
Сполна хлебнул чудовищную быль.

Растлили, изувечили Россию.
Поднимешься ли, Родина моя?
Лихими пулеметами косили,
Телячьими вагонами возили,
В глухой тайге бросали без жилья.

Поднимешься! В горячем этом слове
Я слышу клятву, свой народ любя.
Потомок двух разгромленных сословий,
Я жизнью отвечаю за тебя.

1991

ВСТРЕЧА С ВОРОНЕЖЕМ

Вот переулок у заставы.
Я много лет мечтал с тоской
К твоим булыжинам шершавым
Припасть небритую щекой.

О город юности бессонной!
Чем дышишь ты и чем живешь?
Быть может, в ватнике казённом
Меня теперь не узнаешь?

Я жил в тайге угрюмым зверем,
В глухих урановых горах:
Я знаю, Город, ты не верил,
Что я преступник или враг.

На Колыме в краю острожном,
В моих мечтах с тех давних пор
Зелёный твой бугор Острожный
Был выше всех колымских гор.

1954

ЯКОРЬ

Бывало, в детстве, понаслышав много
О первом флоте, о царе Петре,
Мы шли к реке
Ватагой босоногой,
Забыв запреты строгих матерей.

И было нам заманчиво и любо,
Подставив спины солнечным лучам,
Копать песок у здания яхт-клуба,
Всю руку зарывая до плеча.

Мечтали мы найти старинный якорь
Или от влаги потемневший меч.
А у косы
Буксир натужно крикал,
Стараясь баржу за собой увлечь.

И облака над лугом гордо плыли.
А нам казалось –
Плыли корабли...
Песку тогда мы горы перерыли,
Но ничего, конечно, не нашли...

Не потому ли с той поры люблю я
Петровский сквер,
Старинных пушек вид...

Там древний якорь
Лапу вмял литую
В зернистый жёлто-розовый гранит.

С весенними цветами по соседству,
Дрожащими на лёгком ветерке,
Он так похож
На светлый якорь детства,
Что дремлет где-то в золотом песке.

1958

ПРЕДОК

Дабы пресечь татарских орд свирепость,
Святую Русь от нехристей сберечь,
Царь повелел
Рубить на взгорье крепость
И оную Воронежем наречь.

Пригнали с войском
Крепостных людишек.
Был воевода царский лют и строг.
Он указал
Дубы валить повыше
И ладить перво-наперво острог.

Запахло дымом у песчаной кручи.
Был край неведом и зело суров.
Сушили люди мокрые онучи
И что-то грустно пели у костров.

И среди них,
Неволею ссутулен,
Тяжёлой цепью скованный навек,
Был беглый крепостной
Иван Жигуля –
Упрямый, непокорный человек.

Он жёг хоромы,
Слуг царёвых резал,
Озоровал с людишками в ночи.
За то на дыбе жгли его железом
И батожем стегали палачи...

Он рвы копал
И частоколы ставил.
А копь вдали набат звучал, как стон,
Он шёл на смерть,
На звон татарских сабель,
Грудь осень размашисто крестом!..

Неведомо,
Где голову сложил он, —
На плахе ль,
В битве ль за немилый кров...
Но слышу я:
В моих упругих жилах
Стучит его
Бунтующая
Кровь!

1959

НА ОСТРОЖНОМ БУГРЕ

Здесь нет теперь и знака никакого,
А был острог на этом месте встарь...
Быть может, в нём сидел, цепями скован,
Мой дальний предок,
Крепостной бунтарь.

Я представляю явственно и чётко
Темницу в башне,
Где томился он.
Его глазами сквозь пруты решетки
Я вижу древний город,
Бастион...

Давно погасли огоньки посада,
Лишь у Ильницких кованых ворот
В глухой часовне светится лампада
Да стражник тихо ходит взад-вперёд.

Шумит дубрава на бугре Острожном,
Тяжёлыми ветвями шевеля.
Река фрегат качает осторожно,
Как будто сделан он из хрусталя.

Чернеет крепость на высокой круче.
И, осыпая волны серебром,
Летит луна в прозрачных редких тучах
Полупудовым пушечным ядром.

Она стремится заглянуть в бойницы...
Течёт, струится синяя вода...
Как часовые у ворот темницы,
Без устали сменяются года.

На мшистых стенах заблестели пушки.
Колокола к заутрене звонят.
У церкви – нищий.
Стёртые полушки,
В худую шапку падая, звенят.

Дворы, перекликаясь петухами,
Ввинтили в небо тонкие дымки.
На верфи у Чижовки
Обухами
Стучат мастеровые мужики.

А над рекою с самого рассвета
Плывут удары, тяжки и глухи.
Не знаю: бьют ли сваи,
Или это
Мне слышатся Истории шаги?

1959

ПОЖАРЫ

Века проходили.
Дрожали
Осины у балки степной...
Пожары,
Пожары,
Пожары
Терзали мой город родной!..

Блестящими саблями вспорот
Над ветхими кровлями мрак.
Пылает бревенчатый город.
Скотина ревёт во дворах.

Пылает Тайницкая башня.
В реке головешки шипят.
Звучит одиноко и страшно,
Уносится в степи набат.

Умчались татарские кони,
На горях поднялись леса...
Молясь чудотворной иконе,
Творят мужики чудеса.

И снова над жёлтым обрывом,
Как в сказке,
Огнём не сожжён,
Стоит городок горделиво,
Добротной стеной окружён.

В дозоре врага проворонишь –
С булатом схлестнётся булат.
И вновь
Полыхает Воронеж,
Удушливым дымом объят...

1960

* * *

В обрушенном старом окопе,
В оплывах намокшей земли
Нашли наконечники копий
И ржавые гильзы нашли.

Легли на ладонь человека
И были на миг сведены
Железо десятого века
С железом последней войны.

Стрелу или пулю обреза,
Литое ядро с корабля –
Земля
Принимала железо,
И тяжело вздыхала земля.

Молчала.
Но каждое лето,
Когда наступают дожди,
Оттенками ржавого цвета
Земля зацветает. Гляди –

Ржавеют луга и дубравы.
Колюч, как железо, бурьян.
Качаются бурые травы
У вырытых бомбами ям.

Проносится ветер со свистом.
И в роще, черны и грубы,
Железные ржавые листья
Устало роняют дубы.

1960

ГРАД

Побило градом яблони,
Ударило из мглы,
Сломало, словно ядрами,
Некрепкие стволы.

В лохмотья измочалена
Зелёная кора.
Стояли и молчали мы
Над грудой серебра.

Обняв руками деревце,
Разбитое вконец:
– И что же это делается?.. –
Чуть выдохнул отец.

Погибла в утро летнее
С деревьями в соку
Мечта его.
Последняя,
Быть может, на веку...

О, градины небесные!
Вы очень нам горьки.
Но били нас увесистей
Земные кулаки.

До сей поры не найдены,
В метели и в дожди
Болят шальные градины
Под рёбрами в груди.

Войною ли,
Обидами,
Пайком гнилой крупы –
Сполна нам было выдано
Ударов от судьбы.

...Настанут дни погожие,
Добавим в грунт золы,
Закутаем рогожами
Разбитые стволы.

Наплывами затянется
Кора, где выбил град.
И выдюжит,
Поправится
Наш перебитый сад.

1963

БОРИСОГЛЕБСК

Сухой красноватый бурьян на заре,
И утренний тонкий серебряный холод,
И город вдали на покато́й горе,
Военного детства неласковый город.

Лежит в огородах сухая ботва.
На низеньких крышах – следы пулевые,
На клеверном поле притихли «Пе-2»,
Блестящие, новые двухкилевые.

И словно в насмешку над вихрем смертей
На стенах старинных бревенчатых зданий –
Скупые таблички былых страхований
Губернских, уездных и прочих властей...

О, город из древней семьи городов!
Резные ворота, крылечки косые.
Глазами твоих опечаленных вдов
Тревожно мне в сердце смотрела Россия.

Спасибо тебе за твою лебеду,
За мягкое сено в домишках сосновых,
За редкую сласть петушков леденцовых
На бедном базаре в том горьком году.

1965

КОРДОН ПЕСЧАНЫЙ

Брату Вячеславу

Спустился летчик, весь иссечённый,
На мягкий мох берёзняка.
Над ним в слезах склонились женщины –
Жена и дочка лесника...

И мы с братишкой в яму чёрную
Смотрели, стоя под сосной.
Мы были просто беспризорными
Той неуютною весной.

Потом у маленького озера,
Где самолёт упал вдали,
Двух карасей молочно-розовых
В прибрежной тине мы нашли.

Под ивой, перебитой крыльями,
Без соли – не достать нигде –
В консервной банке их сварили мы,
В бензином пахнущей воде...

Кордон Песчаный!..
Пойма топкая,
Худой осинник на пути!
Хочу опять сырыми тропками
В твои урочища пройти.

Хочу опушками сорочьими
Пройти к дымящейся реке...
Хочу найти могилу лётчика
В сухом и чистом сосняке.

1965

* * *

Громыхала бадья у колодца,
Где под срубом росла лебеда.
И тяжёлыми каплями солнца
На колоду струилась вода.

А за серой ольхой на болоте
Над полями задымленной ржи
Голубой-голубой самолётик
В жёлтом небе кружил и кружил.

И ударили где-то зенитки.
И травинки подрезал металл.
И паук на серебряной нитке
Паутину вязать перестал.

А потом на пригорке покатом
Зачернели глазницы могил.
И босою ногой на лопату
Нажимать просто не было сил.

1965

* * *

В. К.

Ветер стучал ладонями
В спину товарняка...
Всё, что тогда не поняли,
Видно издалека.

Снова душе заказана
Тропка за Калитвой.
Город вдали под вязами –
Тихий и синий – твой...

Белым песочком выстланы
Заросли ивняка.
Стихла далёким выстрелом
Вспугнутая река.

Только за низким тальничком
В чёрные невода:
«Валечка!.. Валя!.. Валечка!..» –
Всплескивает вода.

1965

МЕТАЛЛОЛОМ

А. Иванову, сатирику

Металлолом! Металлолом!
Киоск дощатый за углом.

Весёлый год сороковой.
Цветенье лип над головой.
И мы с товарищем вдвоём
Везём сдавать металлолом.

Тележка дряхлая ворчит
И по булыжнику стучит.
На зависть всем колоколам
Гудит, грохочет старый хлам:
Позеленевшее ведро,
Литое ржавое ядро,
Стальной ошейник для собак,
Екатерининский пятак,
Пустые ризы от икон,
Разбитый древний граммофон...

Давным-давно на свете нет
Скупых примет
Тех дальних лет.

Была военная зима –
Сгорели старые дома.
От прежних лип остались пни,
Давно трухлявые они.

В асфальт оделись города –
Исчез булыжник навсегда...
Товарищ мой погиб в войну
В свою десятую весну.

Что решено,
Что суждено –
Всё переплавлено давно.
Но, как и прежде, за углом
Звенит-гремит
Металлолом.

1966

* * *

Вот и жизнь пошла на убыль,
Словно солнце на закат.
И серебряные трубы
В стылом воздухе звенят.

Жизнь моя! Сентябрь звенящий!
Время в прошлом торопя,
Все отчётливей и чаще
Вспоминаю я тебя.

Вспоминаю ранний-ранний
С колокольчиками луг.
На изломах белых граней –
Солнце шумное вокруг.

Вспоминаю малым-малым
Несмышлёнышем себя...
К тем истокам,
К тем началам
Ты зовёшь меня, трубя.

1966

УТИНЫЕ ДВОРИКИ

Утиные Дворики – это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики – это деревья,
Полынная горечь и жёлтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года.
Победа гремит по великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз «студебеккер» в тяжёлой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные дворики...
Там, за курганом,
Ещё и Гусиные, кажется, есть.

Малыш хворостиной играет у хаты.
Утиные Дворики...
Вдовья беда...
Всё мимо
И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернётся никто никогда...

Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокая мышь,
И медленно тают в белёсом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.

1966

ДОВОЕННОЕ

Было время демонстраций
И строительных громов,
И горела цифра «двадцать»
Над фасадами домов.

Проезжали с песней мимо
На больших грузовиках
Парни Осоавиахима
С трёхлинейками в руках.

И ещё плакат безлицый
В память врезался мою:
Кто-то в красных рукавицах
Давит чёрную змею.

Вспоминается дорога,
Лёд на лужах как слюда...
И неясная тревога,
Непонятная тогда.

1966

* * *

Земля необычная здесь,
В Подмоскowie.
Над бурым суглинком
Туман невесом...
И вдруг осенило
Забывтой любовью
К тебе,
Мой далёкий
Степной чернозём.

Там чёрные комья
Блестели, как уголь,
И в них, как солома,
Ломались лучи.
И в яростном солнце
Скакали за плугом
Такого же чёрного цвета
Грачи.

Там осенью сердце
Сжималось в тревоге
И давняя память
Стучала в виски.
И, как золотинки,
На черной дороге
Жёлтели
Потерянные
Колоски.

1966

ДИРИЖАБЛЬ

Один и тот же незабываемый
Я вижу полдень вдалеке:
Бегу босой по тёплым плитам
К нагретой солнечной реке.

Туда, где лодки пахнут краской,
Где на лугу стоит яхт-клуб,
Где довоенный мост Чернавский
С перилами из старых труб.

Бегу с бугра тропой полынной
В дремучей чаще лебеды.
В моей руке пятак старинный,
Позеленевший от воды.

И всё доступно,
Всё открыто,
И ничего ещё не жаль.
И надо мной плывёт, как рыба,
Огромный сонный дирижабль.

Куда он плыл светло и прямо –
На дальний полюс, на парад, –
Забывший, вымерший, как мамонт,
Несовершенный аппарат?

Канатов чёрные обрывки
Под ним чертили высоту.
И было видно на обшивке
Ряды заклёпок
И звезду.

Он пролетел над лугом жёлтым,
Где в лужах светится вода,
И утонул за горизонтом
В дрожащей дымке –
Навсегда.

А я его так ясно помню.
А я всю жизнь за ним бегу.
В мир непонятный
И огромный
С былинкой тонкой на лугу.

1966

КОРШЕВО

Е. Исаеву

Ничего в нём вроде хорошего,
Просто так, большое село.
Облака плывут – мимо Коршева,
Журавли летят – мимо Коршева,
И Битюг блестит, как стекло.

А с горы удивляет далями
Неоглядный лесной простор.
Утки дикие кружат стаями,
Отражаясь в воде озёр.

И, живя не в ладу с законами,
Рыбаки испокон веков
Острогою бьют щуку сонную
У обрывистых берегов.

И ночами летними странными
В каждом спящем пустом дворе
Лопухи, от росы стеклянные,
Тихо светятся на заре.

1966

ПРОЩАНИЕ

Лугов желтеющая роскошь.
За речкой тонкая ветла.
И тихий белый город Россошь,
Где ты к вагону подошла.

Те дни осенние проплыли
Под строгий шёпот докторов
О вредности подземной пыли
И резких северных ветров.

И ни квартиры, ни зарплаты.
Больничный горький неуют.
Но очень ласковой была ты
Прощальных несколько минут.

И потому мне показалось,
Что всё – как прежде,
Как всегда.
А это ты со мной прощалась.
Не на неделю –
Навсегда.

Угас в тумане город Россошь...
Где ты теперь, через года?
Кого теперь спокойно бросишь,
Когда опять придёт беда?

Что там теперь,
За непочатой,
Пустой страницей бытия,
Где жёлтый блеск,
Перрон дощатый
И сумка чёрная твоя?..

1966

ПОЛЕ БОЯ

О, поле боя, поле боя!..
Воронеж. Мне двенадцать лет.
И солнце светится рябое
На змейках пулемётных лент.

Нам повезло невероятно.
Растаял снег, ушла зима.
Винтовочных и автоматных
Патронов всюду
Просто тьма.

Наверно, в тех кустах полынных
По комьям плачущей земли
Меж чёрных проволочек минных
Нас божьи ангелы вели.

Там был один окоп оплывший,
И в нём, откинувшись назад,
Стоял, как памятник,
Застывший,
Погибший осенью солдат.

Худой, остриженный, белесый...
И прямо в середину лба
Осколком чёрного железа
Его отметила судьба.

Песок по брустверу ссыпался.
Былинки ёжились, шурша.
Сжимали скрюченные пальцы
Чуть поржавевший ППШ...

Немая горечь той картины
Из детской памяти ушла,
Но, словно взрывом старой мины,
Сегодня сердце обожгла...

...Я вижу вновь перед собою,
Уже не в детстве – наяву,
То роковое поле боя,
Сухую ржавую траву.

Путём извилистым и длинным –
Уже который год подряд! –
Я вновь и вновь иду по минам
Моих печалей и утрат.

И понимается до боли,
До горьких дум в конце пути,
Что жизнь –
Она как это поле,
И надо поле перейти.

1967

* * *

Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.
И мысли притихли тревожные,
И вспомнились детские сны.

Сидим, говорим про забытую,
Седую почти старину,
Про давние годы насытые,
Про дом, про родню, про войну...

И тёплым дыханием родины
Согрет мой нерадостный быт...
Да, много нелёгкого пройдено
И много ещё предстоит.

Но всё же какие хорошие
Нам в жизни минуты даны!..
Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.

1969

* * *

Кто занёс тебя, берёза,
На такую высоту –
Выше леса,
Выше плёса,
Прямо к самому кресту?

Хорошо ль тебе живётся
На старинных кирпичах?
Что за птица рядом вьётся
В белых солнечных лучах?

И куда ведёт дорога
Вдоль синеющих столбов?
Что там слышно возле Бога,
Возле ржавых куполов?

Может быть, сквозь грозы злые
Видно с гулкой высоты
Все года мои былые,
Все начальные мечты?..

Чёрный пруд в наплывах тины.
Отраженья облаков.
Ребятишки у плотины
Ловят сетками мальков.

Может, это я у хлеба
Тихим мальчиком стою
И ломоть ржаного хлеба,
Глядя на небо, жую?

И смотрю на край откоса,
И никак не ясно мне:
Почему растёт берёза
На разрушенной стене?

1969

УГЛЯНЕЦ

За стылым лесом, за болотом,
Где сизый дым в траву упал,
Ходили куры под заплотом
Из старых прокопчённых шпал.

Ещё там мельница стояла –
Четыре сумрачных крыла.
И сено жёлтое пылало
На взгорке около села.

Мы просто мимо проходили.
Был виден домик и заплот.
И весело зенитки били
В большой зелёный самолёт.

И не попали, не попали,
Хотя так низко он летел!
И чёрные дымки пропали
Вдали, где ельничек редел.

И плечи тёр тяжёлый ранец,
И на ходу сказали мне,
Что рядом здесь село Углянец,
Оно осталось в стороне.

Лишь помню руки сбитых веток,
Шальную кошку на избе.
Да был ли он, Углянец этот,
Когда-нибудь в моей судьбе?

Но в памяти, где брезжит юность,
Всё догорает тот стожок,
Который там
Тот самый «юнкерс»
Своими пулями зажёг.

1969

* * *

Зелёные дали померкли.
Но осень суха и чиста.
По старой разрушенной церкви
Узнаю родные места.

Динамик гремит у дороги
О первых полётах к Луне.
Давно позабыли о Боге
В родимой моей стороне.

Трава зеленеет привольно
В проломах заброшенных стен.
Взбираются на колокольню
Рогатые черти антенн.

И только у края покоса
Над жёлтой осенней парчой
Тревожно мерцает берёза
Нетающей тонкой свечой.

1969

* * *

Заигрался камышинкой
Ветер с самого утра.
Называется Лапшинкой
Деревенька в три двора.

Здесь ромашкам нет помехи
На заброшенном гумне.
Здесь я словно в прошлом веке,
В дальней дедовской стране.

Если б только над карнизом,
Где ютятся воробьи,
Не топорщил телевизор
Рожки тонкие свои;

Если б только хриплым свистом
В этот тихий край берёз
Не врывался сквозь транзистор
Мир сомнений и угроз;

Если б не было тревожно
От сегодняшних примет,
То и вправду было б можно
Превозмочь движенье лет.

1969

* * *

Здесь, на окраине, над лугом,
Был дом, украшенный резьбой.
И был рассыпан чёрный уголь
Под водосточною трубой.

И доносился сладкий привкус
С далёких нив, где зрела рожь.
И выносили пыльный фикус
На тёплый пенный летний дождь.

Здесь тополя цвели в истоме,
В том чистом мире детских лет,
Здесь я родился, в этом доме,
Которого давно уж нет.

А мне он так сегодня нужен,
Тот ранний мир моей души,
Где я с восторгом шёл по лужам,
Не зная горечи и лжи.

Он где-то здесь, под пепелищем,
В глубинах сердца, в толще дней...
Мы все его тревожно ищем
В суровой зрелости своей.

1969

* * *

Называлась улица
Касаткина Гора.
Домики сутулятся
На краю бугра.

Революционные
Митинги прошли.
Авиационная –
Гору нарекли.

Жёлтая акация,
Тишь да соловьи.
Где тут авиация,
Милые мои?

Рядом церковь древняя...
Но табличка та
Памятником времени
Стала навсегда.

Время было дивное,
Буйное, как хмель,
Славное, наивное...
Где оно теперь?

1969

Послевоенная Россия,
Буханка хлеба – сто рублей.
Но если бы сейчас спросили, –
Дней не припомню веселей.

Наверно, жизнь лишь в раннем детстве
Так первозданна и свежа,
Что никаких утрат и бедствий
Не хочет принимать душа.

Я убегал тогда с урока
В запретный ельник за селом.
И ржавый танк с пробитым боком
Не увезли в металлолом.

Над обездоленной равниной
Дымок струился от села.
И блиндажей сырая глина
Ещё травой не заросла.

Но я судьбою был доволен,
И сердце прыгало в груди.
И жизнь весенним тёплым полем
Ещё синела впереди.

1969

* * *

Загорелась листва на берёзах.
Засветился в низинах туман.
И в предчувствии первых морозов
Помрачнел придорожный бурьян.

И за ветками чёрных осинок,
За сырым и холодным жнивьем
Пробивается зелень озимых,
Словно память о детстве моём.

Вспоминается звон у колодца
На далёкой-далёкой заре,
Безымянная речка, болотце,
Голубая трава в серебре...

И в предчувствии вечной разлуки
На краю убывающих дней
Вспоминаются нежные руки,
Руки матери милой моей.

1969

* * *

Опять я подумал о родине,
Где стынет в росе лебеда,
Где в старой замшелой колодине
С утра холодеет звезда.

Там чёрные тени в дубраве
И белый над берегом сад.
И можно не думать о славе
И слушать, как листья летят...

Там речка прозрачна, как детство.
Там рыжим кустам камыша,
Наверное, точно известно:
Бессмертна ли наша душа.

1970

* * *

Значок ГТО на цепочках
На форменной куртке отца.
И тополь в серебряных почках,
И жёлтый песок у крыльца...

В эпоху сомнений и бедствий
До самого смертного дня
Нетленная память о детстве
Уже не оставит меня.

И видится, словно вначале,
Та первая в жизни беда,
Как будто по свету не мчали
Меня роковые года.

Всё видится дымное небо,
Изломанный танками сад,
Горбушка казённого хлеба,
Что дал незнакомый солдат.

Видения дальнего детства
Опять меня сводят с ума,
Как будто не вдавлены в сердце
Россия, Сибирь, Колыма...

Как некое странное бремя,
С тревожным моим бытиём
Дано мне застывшее время
В усталом сознание моём.

Там хата с колючей соломой,
Поющий за печкой сверчок...
Какой-то солдат незнакомый,
Какой-то старинный значок.

1971

* * *

Знакомый край с холодной далью,
С тревожным шумом камыша.
Твоей берёзовой печалью,
Как прежде, полнится душа!

Все те же выцветшие флаги
Качает ветер у крыльца.
И жгут костёр в сухом овраге
Два босоногих огольца.

Как прежде, вьётся дым летучий
На суходолы и лога.
И веет холодом из тучи
На прошлогодние стога.

И на безлюдном побережье
Опять волнуется лоза.
И холодит ладонь, как прежде, –
Дождинка, капелька, слеза.

1971

* * *

Как жалобно ястреб кричит
На этой опушке глухой.
И ветер полынью горчит
И трогает вереск сухой.

Здесь чёрные листья дрожат
На старых кустах бузины.
Здесь чёрные гильзы лежат
В окопах последней войны.

Как много простора для глаз!
Какое безлюдье кругом!
И снова в назначенный час
За лесом гремит полигон.

И клочья колючей стерни
Взлетают над полем седым.
И давние горькие дни
Напомнил тротильовый дым...

А к ночи – опять тишина.
Лишь ветер гуляет в бору.
Как будто уснула война
И снова проснётся к утру.

1971

МЕЛЬНИЦА

Машут крыльями мельницы
В сорок третьем году.
В чистом поле чернеются
На юру, на виду.

За холодными хатами
Ветра зимнего стон.
От былых элеваторов –
Обгорелый бетон.

Но пока не рассеется,
Не откатится враг –
Машут крыльями мельницы
В чернозёмных степях.

Ветряные, старинные,
На скрипучей оси.
Словно в годы былинные
На Великой Руси.

Словно заново найдены
Силы древней земли.
Словно дальние прадеды
К нам на помощь пришли.

Пусть вдали за покосами
Дыма траурный креп.
Будет поле с колосьями,
И победа, и хлеб!

Машут крыльями мельницы
Сквозь лихие года.
Вся беда перемелется
Навсегда, навсегда.

1971

Воронеж, детство, половодье.
Зелёный плавающий лёд.
И солнце держит за поводья
Над белой тучкой самолёт.

Военный – маленький, двукрылый, –
Защита грозная страны...
А вдалеке за рощей стылой
Поля озимые видны.

Там, за рекой, село Придача
За гулкой дамбой,
За мостом.
И церковь белая маячит,
Сияет золотым крестом.

И тихий звон летит по свету,
В упругом воздухе плывёт.
И знаю я,
Что бога – нету...
И кружит в небе самолёт...

И жизнь моя ещё в начале.
И даль аукает: «Иди!..»
И нет ни бога,
Ни печали.
И всё, что будет, –
Впереди.

* * *

Больше многих других потрясений,
Что отпущены щедрой судьбой,
Помню солнечный день предвесенний,
Помню город разрушенный мой.

Бело-розовый, зыбкий – от снега.
От кирпичных разрубленных стен, –
Он теснился до самого неба,
Словно в белом тумане летел.

Незнакомый, притихший, суровый –
Словно призрачный дымный погост...
А вдали золотился сосновый,
Наведённый сапёрами мост.

На ступенях знакомого спуска, –
Ах, как сердце забилося тогда!
Вот и домик на улице узкой...
Но была за углом пустота...

Только виделись дальние дали –
Необычно, просторно, светло.
Только чёрные птицы летали,
И позёмкой с обрыва мело.

Тополей обгорелые руки.
Обнажённый пролёт этажа...
В первый раз
Содрогнулась от муки
Защищённая детством душа.

1972

* * *

Земля, поросшая травой, –
Какое это чудо!
И запах мяты луговой
Неведомо откуда.

И эти низкие дома,
По-южнорусски – хаты.
И эти нивы у холма
Просторны и покаты.

И этот рокот спелой ржи,
Звонящие косилки.
И эти вечные стрижи
Над лужей у развилки.

Какой рассвет моей судьбы
Летит со мною вместе
Сюда,
Где старые дубы
Такие же,
Как в детстве;

Где трактора стучат во мгле
И на осеннем склоне
Всё гнутся гривами к земле
Колосья –
Словно кони?..

1973

Я приеду к тебе, отец,
Лишь водой прошумит апрель,
Лишь в саду запоёт скворец
И потянется к солнцу ель.

Старых листьев зажжём костёр –
Будет дым золотить закат.
И починим гнилой забор,
И вскопаем наш бедный сад.

Этот памятный край любя,
Я приеду – не праздный гость.
Унаследовал от тебя
Я твою крестьянскую кость.

На распустье добра и зла,
В рудниках, в ледяной воде,
Не она ли меня спасла,
Не сломилась в лихой беде?..

А ещё ведь была война.
Скудный хлеб и сырой свинец.
Пусть скорее придёт весна!
Я приеду к тебе, отец.

Будет майское торжество.
Будет верба цвести в лесу.
Внука старшего твоего
Погостить к тебе привезу.

Будет в небе сиять звезда.
Будут в свежей листве дома...
Жаль, что быстро идут года,
Что ещё впереди зима.

Жаль, что в зрелости всё видней
Неизбежный прощальный час.
Жаль, всё меньше и меньше дней
Остаётся теперь у нас.

1973

«КОММУНА»

Б. Стукалину

Синим шрифтом
На серой бумаге
В четверть
Прежде большого листа
В год великой беды
И отваги
Мне газета
Запомнилась та.

Там развалины
Таяли в дымке
И ряды
Атакующих рот.
И пугали
Неясные снимки
Необычным:
Воронежский фронт.

А в полях
За Рождественской Хавой
В вековой
Чернозёмной пыли
Бой тяжёлый,
Неравный,
Кровавый

Сотрясал
Основанье земли.

И мальчишка
Двенадцатилетний
В блиндаже
За горящей избой
Был уверен:
Тот самый – последний,
Легендарный
Решительный бой.

Полыхали
Пожары в округе.
Громыхали
Войска за мостом.
Из калиток
Седые старухи
Осеяли колонны
Крестом...

И являлись
Тревожно и ново
Эти руки,
Глаза, и уста,
И такое
Обычное слово
На углу
Голубого листа.

* * *

Послевоенный майский праздник.
Весёлый трепет кумача.
И от развалин дымно-красных
Холодный отсвет кирпича.

И солнцем улицы залиты,
Толпой ликующих людей,
Солдаты, вдовы, инвалиды...
Худые личики детей.

Почти забывшаяся горечь.
И ветер вспаханных полей.
И свежая густая поросль
От обгорелых тополей.

Фанфар нестройное звучанье
В лучах нежаркого тепла –
О радости,
Об окончанье
Насилья, ненависти, зла.

И над разбитыми домами,
И над уставшими людьми –
Победой поднятое знамя,
Как обещание Любви.

1973

* * *

Земля, земля...
Следы копыт
На голубой прибрежной глине.
И слышно,
Как ветла скрипит.
И веет горечью полыни.

Уже и вспомнить не могу,
Когда она в меня запала –
Ветла на низком берегу
И тихий шелест краснотала.

И то далёкое село,
Где жизнь когда-то начиналась.
Как будто время не ушло,
А навсегда во мне осталось.

Остался тот далёкий дом
И блеск росы по жёлтым пожням.
Наверно, так уж мы живём –
Не только нынче,
Но и в прошлом.

И слышится: ветла скрипит.
И сердцу дороги доныне
Пучки травы,
Следы копыт
На голубой холодной глине.

1973

* * *

*Е. М. Раевской
В. Ф. Жигулину*

Дорогие родители!
Мать и отец!
Не сердитесь, что письма
Пишу вам короче и реже.
Просто всё тяжелеет
Судьбы незабывтый свинец,
И с годами печали
Больнее, чем прежде...

Но и нынче я помню
О дальнем, родном и святом.
И ночами всё вижу
В картинах отчётливо резких:
По рассказам отца –
Деревенский жигулинский дом,
И в старинном Воронеже –
Дом знаменитых Раевских.

Впрочем, нет.
«Знаменитых» – неправильно, нет.
Знаменитыми были
Далёкие мамыны предки:
В орденах – генерал,
А в цепях – декабрист и поэт,

Раньше прочих познавший
Тюремные камеры-клетки...

...А Жигулины родом
Откуда-то из-под Ельца.
Там и нынче в селе –
Всё Жигулины да Жигулёвы.
А потом – Богучар
И родная деревня отца –
Монастырщина.
Сколько беды в этом слове!..

И луга за Подгорным –
Моя изначальная жизнь.
И горящий Воронеж –
Моё изначальное горе
Две могучие крови
Во мне воедино слились,
И пошёл я по жизни
В извечном душевном раздоре...

Не печальтесь, родные!
Я буду почаще писать.
И, конечно, приеду.
Дела и заботы отрину.
Ещё многое мне
Вы должны о себе рассказать,
Чтобы я рассказал
Своему повзрослевшему сыну.

1976

* * *

В. М. Раевской

Крещение. Солнце играет.
И нету беды оттого,
Что жизнь постепенно сгорает, –
Такое вокруг торжество!

И ёлок пушистые шпили,
И дымная прорубь во льду...
Меня в эту пору крестили
В далёком тридцатом году.

Была золотая погода,
Такой же играющий свет.
И крёстною матерью – тётка,
Девчонка пятнадцати лет.

И жребий наметился точный
Под сенью невидимых крыл –
Святой Анатолий Восточный
Изгнанник и мученик был.

Далёкий заоблачный житель,
Со мной разделивший тропу,
Таинственный ангел-хранитель,
Спасибо тебе за судьбу!

За годы терзаний и болей
Не раз я себя хоронил...
Спасибо тебе, Анатолий, –
Ты вправду меня сохранил.

1976

* * *

Владимиру Гусеву

Немощёная улица,
Спуск над Чернавским мостом.
И ленивое солнце
Бредёт по ступеням скрипучим.
Я опять пребываю
В растаявшем времени том
С чувством горькой потери –
Тяжёлым и жгучим.

Довоенный Воронеж.
Серебряный пух тополей.
Мимолётное, зыбкое
Очарованье...
И была эта улица
Родиной детской моей –
Самой ранней, начальной,
Какой не придумать названья...

Перелёшинской улицей
Встарь называлась она.
А потом получила
Тревожное имя Лассаля.
И менялись названия,
Как времена...

И пожары войны
По домишкам сухим заплясали.

А потом, в сорок третьем,
В обугленной чёрной трубе
Все окрестные ветры
Гудели, стонали, кричали...
Немощёная улица
В жизни моей и судьбе
Навсегда называется
Улицей первой печали.

1976

* * *

Помню ровное поле
И маленький наш огород –
На окраине города,
Где-то за Пеше-Стрелецкой.
И высоко над нами
Спокойно гудит самолёт.
Может, наш, но по звуку
Скорее похож на немецкий.

Самолёт высоко.
Он не станет на нас нападать.
Возвращается, видно,
На базу из дальней разведки.
И спокойно лопатой
И тяпкой работает мать.
И спокойно, лениво
Ударили рядом зенитки...

На седой мешковине
Разложен нехитрый обед:
Пять варёных картошин,
Ломоть кукурузного хлеба.
Самолёт улетел,
И растаял барашковый след,
От снарядных разрывов
Очистилось летнее небо.

И полуденным зноем
Простор чернозёмный дышал.
И желтели цветами
Полыни пахучее грозди.
А вдали на пригорках
Разрушенный город лежал.
И коробки развалин
Белели, как древние кости...

Где истоки любви
К этой горькой и милой земле?
Что меня навсегда
К этим грустным полям приковало?
Здесь родился и жил,
Здесь навеки растаю во мгле,
Здесь полынное семя
Нечаянно в сердце запало.

1980

МУЗЫКА

В. М. Раевскому

Дядя Вася учил меня музыке,
Он учил меня скрипку держать.
Словно лёгкие звонкие бусинки,
Ноты прыгали прямо в тетрадь.

И сидели на тонких линейках,
Словно вишенки в росных садах,
Словно девочки на скамеечках,
Словно ласточки на проводах...

Вечерами в огне электрическом
За рядами воронежских дач
Дядя Вася играл в симфоническом.
Дядя Вася был классный скрипач...

А в саду у вишнёвого дерева
Разливался весёлый фокстрот...
Но нагрянул июнь сорок первого,
И ушёл дядя Вася на фронт.

Он вернулся домой искалеченный –
Два осколочных, три пулевых.
Изувеченный весь, недолеченный.
Хорошо, что остался в живых.

Он играл ещё в маленьком скверике,
Где эстрадный гремел пятачок,
Развесёлый мотив из Америки
Про какой-то ночной кабачок.

А вокруг – лишь руины вокзальные
Да пустырь с обгорелой трубой...
И уроки мои музыкальные
Позабылися сами собой.

Позабылась и песня союзников...
Но доныне во все времена
Всё звучит во мне тихая музыка.
И не знаю, откуда она.

1980

*«Во время ишуровских погромов в
Воронеже семья Раевских прятала
в своём доме еврейских детей. Наде-
вали им на шею крестики: крещёных
бандиты не трогали».*

Из рассказа моей матери Е. М. Раевской

Отдам еврею крест нательный,
Спасу его от злых людей...
Я сам в печали беспредельной
Такой же бедный иудей.

Судьбою с детства не лелею
За неизвестные грехи,
Я мог бы вправду быть евреем,
Я мог бы так писать стихи:

По дорогой моей равнине,
Рукой качая лебеду,
С мечтой о дальней Палестине
Тропой российской иду.

Иду один, как в поле ветер.
Моих друзей давно уж нет.
А жизнь прошла,
И не заметил.
Остался только тихий свет.

Холодный свет от белой рощи
И дальний синий полумрак...
А жить-то надо было проще,
Совсем не так, совсем не так...

Но эту горестную память
И эту старую повесть
Нельзя забыть, нельзя оставить,
Осталось только умереть.

А в роще слышится осина.
А в небе светится звезда...
Прости, родная Палестина.
Я не приеду никогда.

1980

БЕЛОГОРЬЕ

Белогорье. Горы белые.
В этих радостных местах
Бились красные и белые
Не за долю, не за страх.

За единую, великую,
За счастливую страну –
Шли к Якиру и к Деникину
На кровавую войну.

И враждебными колоннами
В пору горестных утрат
Шли под разными знамёнами
Старший брат и младший брат.

И в любви к родному краю
В том убийственном бою
Каждый думал: умираю
Я за Родину свою...

Возле хутора придонного
И сейчас закат багров.
Пулемётчики Будённого
Там косили юнкеров...

И осталась память ясная
О далёком, но живом.
И рябина ярко-красная
На обрыве меловом.

1983

НА РОДИНЕ

Не узнал я родного села
У железной дороги за Доном.
Там, где чистая речка текла,
Почва скована грязным бетоном.

И дымятся в цементной пыли
Вместо прежней зелёной равнины –
Там, где лилии нежно цвели, –
Комья серой рассыпчатой глины.

Нет ни хат, ни весёлых раки
Там, где пчёлы под крышами жили.
И глухая старуха твердит:
– Осушили, сынок, осушили...

Ощущением горькой беды
Сердце тронули бабкины слезы...
А какие здесь были сады,
Заливные луга, сенокосы!..

Здесь шуршала стена камыша
И мосточек скрипел по соседству.
И рванулась обратно душа –
В золотое видение детства.

Сколько лет пролетело с тех пор
За войной, за бедою проклятой?..
Ах, гони поскорее, шофёр!
В тридцать пятый гони,
В тридцать пятый...

1983

ПЕСЧАНЫЙ ЛОГ

Воронеж

Песчаный лог, Песчаный лог
От выстрелов оглох.

Здесь много сотен человек
Врагом загублено навек –
Друзей, соседей и родных
И земляков моих.

Здесь грохотал не божий гром
В лихом сорок втором.

Я видел их ещё живых.
Нас гнали мимо рва...
Теперь здесь памятник стоит
И буйная трава.

И кровью видится окрест,
Как давняя беда, –
Не знак Давида и не крест,
А красная звезда.

И не могу я сорок лет
Прийти к былому рву.
Там детский череп –
Бел, как мел, –
Увижу сквозь траву.

1982

СЕРЖАНТ РЫБАКОВ

«Осмотрено, мин не обнаружено.

Сержант Рыбаков.

Разминировано. Сержант Рыбаков».

Надписи на руинах Воронежа, 1943 г.

Был он юный, но очень серьёзный.
Понимал как сапёр – изнутри,
Над какою погибелью грозной
Колдовал от зари до зари.

Это мы понимали и сами,
Рядовые мальчишских полков.
На три года всего с месяцами
Был он старше, сержант Рыбаков.

Но не страшно мне было нисколько.
Он меня, словно старший мой брат,
Называл по-ребячески: – «Толька!» –
Я – по званью:
– «Товарищ сержант!»

Но тревожно мне было, признаться,
Слыша голос его ледяной:
– Отойди-ка, брат, метров на двадцать
Или спрячься за той вон стеной.

Неслучайна была с укоризной
Строгость синих прищуренных глаз.
Ведь сапёр ошибается в жизни,
Как известно, один только раз...

И ушли они с фронтом на Запад.
Но остался со мной навсегда
Этот горький тротильовый запах,
Этих лет горевая беда.

Было много и крови, и жажды.
И фугасных,
И прочих силков...
Если вы не ошиблись однажды,
Отзовитесь, сержант Рыбаков!

1985

* * *

Е. М. Раевской

Ах, мама, мама! Как ты пела, мама!
Тебя уж нет, но голос твой – во мне.
Он все звучит и нежно, и упрямо.
И сердце стынет в горьком полусне.

В той тихой песне было много боли.
Про чёрный омут, вербы, тростники,
Про васильки, которые для Лёли
Вы собирали в поле у реки.

Ушло навеки всё, что было близко.
Лишь васильков – косою не скосить.
Забыл слова из песни материнской.
Забыл слова, и некого спросить.

1998

* * *

Мама! Дворянка Раевская...
(Польша, двенадцатый век.)
Древнему роду отместкою
Холмик без знаков и вех.

Рядом сосна разветвлённая.
Легче могилу найти.
Крона густая зелёная
Метой поможет в пути.

С Ирой и сыном Володею
В город поедem опять.
Родина, родина, родина –
Будут колёса стучать.

Крест православный берёзовый
Нежно поглажу рукой.
Розовый, розовый, розовый
Будет закат за рекой.

1998

* * *

Дальние предки – католики.
Это теперь всё равно.
Столики, столики, столики.
Белое злое вино.

Что же, помянем родителей,
Раз уж обычай такой.
Крепко их в жизни обидели.
Только в могилах покой.

Били, стреляли, кулачили –
Город, деревню, село.
Было судьбою назначено
Долгое, долгое зло.

Долгие тюрьмы с погостами.
В памяти это свежо.
Пусть же хотя бы у Господа
Будет вам всем хорошо.

1998

* * *

*Давиду Будённому,
Вячеславу Рудницкому*

Дорого, конечно, дорого
Из Воронежа звонить,
Из родного сердцу города
Передать живую нить.

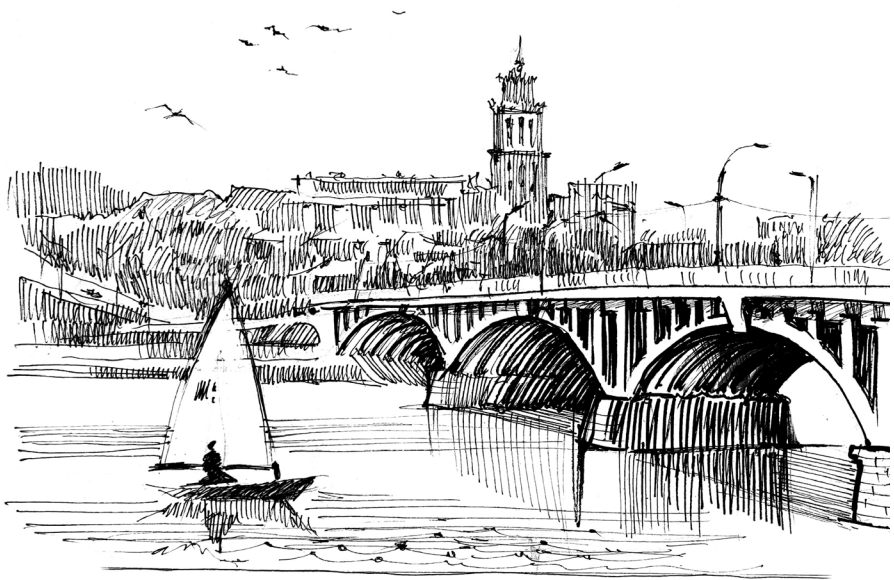
Выпили, конечно, выпили.
Вспомнили про лагеря.
Словно мне награду выдали,
Словно жизнь прошла не зря.

За звонок спасибо Славику
И Давиду, и другим –
Всем, которые прославлены
Сочинением моим.

Нас в живых осталась горсточка,
Бывших членов КППМ.
Потому и радость горькая,
Но ведь радость между тем.

Значит, Богом не оставлены,
Если друг необходим.
За звонок спасибо Славику
И Давиду, и другим.

1998

«ТОЛЬКО И МЕЧТАЮ – ПОЕХАТЬ В ВОРОНЕЖ...»

(Фрагменты из дневника А. В. Жигулина)

Анатолий Владимирович Жигулин вошел в русскую литературу как человек со своим голосом, талантом, трагической личной судьбой. И это обстоятельство позволяет уверенно говорить о том, что его имя, его стихи и проза останутся в истории отечественной словесности.

До настоящего времени Жигулин был известен читателям как поэт, прозаик, литературный критик, но совершенно не известен как мемуарист, запечатлевший собственный крестный путь сначала к своей Голгофе, а затем к постижению веры, нравственному и духовному преображению. Жигулин вел дневник на протяжении почти полувека, начиная с 7 апреля 1954 года, когда он находился еще в неволе как «враг народа», осужденный по пресловутой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР, – и буквально до последних дней своей жизни.

В 2013 году в соответствии с волей вдовы поэта, Ирины Викторовны Жигулиной, материалы личного архива А. В. Жигулина, в том числе его дневники, рабочие тетради, письма, различные документы, были переданы на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина, где заняли

достойное место рядом с фондами других известных писателей, чьи судьбы неразрывно были связаны с воронежской землей, – А. В. Кольцова, Д. В. Веневитинова, И. А. Бунина, С. Я. Маршака, О. Э. Мандельштама, А. И. Эртеля, А. П. Платонова, Н. А. Задонского. Теперь остается ждать, когда дневник нашего земляка после внимательного и бережного изучения рано или поздно будет опубликован.

На страницах дневника А. В. Жигулина запечатлены его жизненный и творческий путь, история создания литературных и автобиографических произведений, отношение к основным событиям в стране и мире. И в этом смысле дневник писателя является уникальным историко-литературным документом эпохи, отражающим особый, неповторимый взгляд художника на окружающий мир и свое положение в этом мире.

Особое место в дневнике А. В. Жигулина занимает Воронеж – его духовная и физическая колыбель, самое любимое и желанное место на земле.

*На встрече с воронежской общественностью.
19 июня 1989 г.*

Июня 19 день [1954 года], суббота (1).

Чудесное солнечное утро, тихое и ясное. С крыльца пр[иемного] отд[еления] видно город, часть города около Заставы. Несколько минут наблюдал я это уже забытое зрелище! Как много новых домов, зелени! Как все это ярко в лучах утреннего солнца: и подъемные краны, и паровозы на запасных путях, и сосновые остовы крыш строящихся зданий!

Как хочется выйти туда, в эту гущу домов и тополей, и идти, идти, не останавливаясь, вдыхая теплую свежесть этого утра полной грудью...

Сегодня воскресенье, июля одиннадцатый день [1954 года].

Утро! Ясное солнечное утро. Если стать ногами на подоконник, то можно видеть по ту сторону забора часть города около Заставы.

– Железнодорожные пути, разноцветные вагоны – на первом плане. А немного дальше голубые баки нефтебазы, спрятанные в густой, яркой зелени. А еще дальше – дома, подъемные краны, какая-то незнакомая башенка со шпилем – очевидно, на вновь построенном здании. Видны даже часть моста и трамваи. А почти сразу за забором, на бугорке около насыпи цветет большой золотой подсолнечник. На горизонте и трубы, много труб. Одна, две, три... Нет, не сосчитать!

...Вот он, мой город!

«Город мой синий, любимый, далекий!..» Да, ты еще далек от меня. Очень близок и очень далек! Когда же я пройду по твоим улицам?

Над городом в прозрачной синеве плывут теплые, мягкие облака.

...Эх! Иметь бы крылья – улететь бы отсюда!..

21 июля [1954 года], среда.

Время 19.41. Постараюсь изложить коротко, что произошло. Минут двадцать назад прибегают взволнованные ребята Вася Ж., Вася Т. и Юра. Вася Ж. говорит, что начальник спецчасти просил нас найти и сказать, что завтра мы освобождаемся! Я ему не верю, ничего не понимаю. Тогда они двое – Юра и В. Т. (2) побежали искать начальника спецчасти. Когда я их снова встретил в бухгалтерии, они сказали, что видели его и что он подтвердил все. Говорят, что надо готовиться, собираться и т. п. А я почему-то еще не верю в это счастье.

В противоположность всем ожиданиям чувствую себя удивительно спокойно.

Давно уже глубокая ночь, а я еще не сплю...

Мысли, мысли, мысли...

Курю без конца...

Уже светло, хотя еще очень рано. Можно, пожалуй, считать, что новый день – 22 июля – начался.

...Время половина одиннадцатого. Все хлопоты окончены. Скоро выходим за ворота.

Начало двенадцатого. Скоро! Скоро!

Двенадцать часов дня.
Я дома.

4 февраля 1961 года, суббота.

<...> Получил письмо из дому. И прислали мне газету «Литература и жизнь», № 14 [1–II–61 г.]. Вверху на третьей полосе под рубрикой «Новые имена» – статья А. Абрамова (3) «Один из молодых». Статья обо мне, и большая (строк 300, четверть страницы). Очень теплая, очень благожелательная статья. Написана с большим чувством, интересно. Абрамов обращается к биографии, много цитирует. В общем, замечательная статья!.. Я просто не могу найти слов. Анатолий Михайлович удивительно чуткий человек. Какой трогательной заботой и вниманием к молодому поэту проникнута статья! Ей-богу, я тронут до глубины души, до слез. <...> Чувствуется, что его глубоко волнует моя творческая судьба, мое здоровье. Действительно, «человек-костер», дающий тепло другим. Раз десять я уже прочитал статью и читаю снова и снова.

19 августа 1961 года, суббота.

Сто лет, сто тысяч лет не брал в руки дневник! А точнее – пять дней. Интересные события разыгрались днем 14-го августа. Они и явились следствием моего небывалого невнимания к дневнику.

<...> Пошел я поохотиться. Была тихая теплая погода. Прогулялся по опушке леса. Поразило полное

отсутствие воробьев. Ни единой птицы. Обратил внимание на большую черную тучу над лесом. Она выросла как-то удивительно быстро. Зашагал к дому. Пока добрался до сада, туча приблизилась и стала еще чернее, а ниже ее быстро, прямо над самой землей, летели серые клочковатые облака.

Вся эта махина шла с запада со стороны леса. Около 15 часов подул сильный порывистый ветер, и стало почти совсем темно. «Будет небывалая гроза», – подумал я. Тщательно закрыл окна в доме, предвкушая интересное зрелище. Приятно бывает понаблюдать грозу, сидя в каменном доме под крепкой крышей.

Между тем началось что-то страшное. Раздался мощный нарастающий гул, ветер пригнул к земле деревья, поднял густую пыль. Когда я попытался закрыть дверь веранды, ветер вырвал ее у меня из рук и унес в сад. Дверь упала на одну из молодых яблонь. Я бросился с веранды в комнату. В этот момент в двух окнах, обращенных к западу, вылетели стекла. Ветер словно выдавил их и ворвался в дом, запорошив глаза осколками стекла. Хлынул дождь. Я укрылся на веранде, но закрыть дверь из комнаты мне не удалось. Закачалась над головой крыша. Послышались гулкие сильные удары по потолку. Тяжелые кирпичи стучали над головой. «Откуда же, черт возьми, кирпичи?» – думал я, прижавшись к стене. Но вот что-то захрустело, и к моим ногам, пробивая крышу и потолок, стали со свистом падать большие куски льда величиною с кулак. Град! И какой град! Он не просто падал, он летел над землей, почти

параллельно земле. Словно пушечные ядра, плясали вокруг ледяные шары, пробивая окна, стены, крыши! Черт его знает, как меня не убило. Просто удивительно! Я весь промок до нитки, и весь был, как иголками, пронизан ветром. Шквал продолжался пять-семь минут. И вдруг все стихло. Только потоком лилась вода с потолка.

Ужасное зрелище являл из себя сад. Все деревья изуродованы до неузнаваемости. Сломаны ветви, разбиты и размочалены стволы, сорвана буквально вся листва. <...> Сердце обливалось кровью – на глазах погиб сад, в который вложено столько труда.

И вышло солнце и осветило опрокинутые домики, унесенные черт знает куда заборы. <...> К вечеру пришел отец. Грустно обошел сад. «Погорю», – говорит. И пошли мы с ним пешком в город через аэродром, увязая в грязи... (4).

28 июля 1966 года, четверг.

Вечер, скоро 21 час. Позади все московские волнения и невзгоды, вся суeta и сутолока. Пишу сии строки в Воронеже, в Садах, в уютном нашем домике. Пишу при свете электрической лампы. Великолепно! Словно в другой мир переселился – такая благодать и спокойствие! Как целительно действует на человека природа!

<...> 27-го, в среду, приехал в родной город. <...> Заходил в Союз писателей. <...> Потом ходили с Пресманом (5) и А. Прасоловым (6) по городу.

18 сентября 1968 года, среда.

<...> Вчера был юбилейный день – девятнадцать лет после моего ареста 17 сентября 1949 года. Мне тогда было 19 лет, а сейчас – 38. Жизнь, таким образом, разделилась на две равные части: девятнадцать – до, девятнадцать – после. Часто в «юбилейные дни» я собираюсь описать тот памятный день, да все откладываю: кажется, что нет в этом необходимости, – слишком уж все хорошо помнится... Вчера тоже был очень холодный день. А 17 сентября 1949 года в Воронеже день был теплый и ясный, совсем летний. Впрочем, и на этот раз я, пожалуй, не буду описывать этот день...

17 октября 1968 года, четверг.

...Ровно двадцать лет назад в этот день произошло событие, которое вскоре круто изменило мою жизнь. 17 октября 1948 года в Воронеже в квартире Б. Батуева (7) меня приняли в КПМ – Коммунистическую партию молодежи. Год спустя в протоколах допросов ее называли не иначе как: «нелегальная молодежная террористическая организация, преступно именовавшая себя КПМ».

Но 17 октября 1948 года организации по существу еще не было. Кроме меня, в КПМ было только три человека, но среди них уже был один предатель... Впрочем, тогда он еще не был предателем. Он предал нас позже, почти год спустя. <...> Ко дню первых арестов – 17 сентября 1949 года – в рядах КПМ было не менее 60–70 человек. И хотя среди них было немало

провокаторов <...> КПИМ, насколько мне известно, – наиболее крупная нелегальная антисталинская организация того послевоенного времени... Меня принимали Борис Батуев и Юрий Киселев... 20 лет прошло с того дня, но какой важной вехой он стал в моей жизни. Веха эта до сих пор видна в густом тумане прошлого...

19 ноября 1968 года, вторник.

<...> Вспоминаю все время, как и обычно, впрочем, прошлое. Плывут, разворачиваются кинолентами Подгорное, довоенный Воронеж, детство, война, Борисоглебск... Потом вдруг: лагерь, институт, тюрьма, школа... Картины возникают стихийно, не по порядку. Так все ясно вижу, словно все вчера было. Каждую капельку застывшей смолы на бревнах нашего давно сгоревшего старинного дома различаю, каждую заплату на лагерьном бушлате! Людей, как живых, вижу – и друзей детства, и подельников, и соклассников. Вновь переживаю все незабытое. А главная книга жизни так и остается не только не написанной, но даже и не начатой. Видно, так она и останется лишь в моих мыслях. Некогда уже учиться прозу писать... А стихи – в стихах всего не скажешь!

<...> Всего не запишешь, что вспоминается. Видно, придется писать прозу. Куда же еще я могу деть свои мучительные воспоминания?! Писать рассказы, повести. В них будет уютно и спокойно и Юрке Суворову, умершему в 1944-м, и Володьке Хариусу, убившему себя в 1966-м. Там найдут себе место все мои боли и

терзания, все разрозненные куски ушедшей жизни, оставшиеся лишь в моем сознании.

21 ноября 1968 года, четверг.

<...> Обнаружилось вдруг, что память у меня немая. Как немой фильм. Цветной широкоэкранный, но немой. Прекрасно все вижу, но ничего не слышу. Вижу прекрасно – разрушенную улицу 25-го Октября в 1943 году. Спускается она вниз, к реке, от Мясного базара. <...> Мы с Юркой Суворовым прячем в развалинах большие жестяные банки от дымовых шашек. В банках этих уже тронутые зеленью автоматные патроны. Мы набрали их на поле боя за гражданским аэродромом. Юрка – худой мальчишка в грязно-зеленой телогрейке с солдатскими пуговицами. Вижу его очень четко, но что он говорит – увы! – не слышу. Голоса Юркиного в памяти моей не осталось...

19 января 1969 года, воскресенье.

<...> Звонил сейчас отец из Воронежа. Рад – в воронежских книжных магазинах появилась моя книжка «Поле боя». Купил, говорит, шесть штук... Только и мечтаю – поехать в Воронеж, отдохнуть немного, увидеть родных и друзей.

7 апреля 1969 года, понедельник.

Нынче исполнилось 15 лет моему дневнику. Начал я его еще в заключении. Правда, к сожалению, не в Сибири и не на Колыме, а в Воронеже, куда меня (да и

нас всех) привезли на переследствие. В родном городе, за высокой кирпичной стеной 020-й колонии, которая примыкает к знаменитой воронежской городской тюрьме, и начал я эти записи, этот дневник. А в сибирских и колымских лагерях любые записи строго были запрещены. Местный воронежский лагерь после Колымы казался раем: ни номеров нет на спинах, ни злых собак, ни лютых конвоиров. Почти воля. Тем более что видны были трамваи, бегущие по мосту у Заставы. Мы ждали нового решения по нашему делу. Две первые дневниковые книжки содержат очень осторожные, туманные записи. Ведь и на 020-й дневники тоже были запрещены. Существовала особая статья в УК РСФСР, предусматривающая наказание за разглашение сведений о местах заключения. Но я все-таки начал тайно вести дневник. Он уцелел только потому, что в день освобождения, 22 июля 1954 года, нас перед выходом за ворота обыскали формально, на скорую руку...

1 января 1970 года, четверг.

Исполнилось мне в одиннадцать часов ровно сорок лет. Звонили родители из Воронежа по этому поводу. Круглая дата, ничего не скажешь. От этого звонка, от поздравления из «Нового мира» (Твардовский, Лакшин и другие), от смолистой елки – от всего этого настроение было хорошее, праздничное. <...> В общем, приятное было состояние, несмотря на усталость.

18 августа 1971 года, среда.

Ночью на холод ломалась погода, было очень душно и тяжко. Утром ходили с мамой и Ирой на улицу Лассалья, бывшую Перелешинскую. Там мы жили с 1936 по 1942 год в доме №17 «б». В моем архиве есть где-то мой рисунок этого дома и двора, сделанный мною в Борисоглебске в январе-феврале 1943 года, т. е. по свежей памяти. Почти вся улица целиком сгорела летом 1942 года. Сожжена и разрушена она была нашими снарядами, как и почти вся приречная часть Воронежа. Наши батареи обстреливали воронежские бугры с Левого берега, с Придачи. Никаких немцев, однако, в это время в этих районах не было. Было много мирных жителей города, особенно – детей и женщин. От обстрела обрушился старинный двухэтажный каменный дом Александровых, крайний, что стоял над спуском, над оградой. В большом его подвале было заживо похоронено много людей. Долго потом слышались из-под развалин стоны.

После войны долго еще сохранялись стены и фундаменты, старая планировка дворов. Сейчас от перестроек и новых построек все еще более изменилось. Дом Александровых давно разобран на кирпич. А на его флигеле висит мемориальная доска, гласящая, что улица названа в честь большевика Ольминского (Александрова) и что здесь был дом, где он родился. Не знал, что в семье богачей Александровых был большевик. Третий раз на моей памяти переименована родная моя улица. По удивительной случайности уцелел в пожаре деревянный дом с мезонином, дом Спицыных

(напротив дома Александровых). Чистый был высокий зеленый дом с большими окнами. И сейчас он стоит, но ветх и невзрачен.

Прошли мы по улице Пролетарской, выходили на улицу Красненькую, на Каляева. Что осталось в старом виде – так это камни мостовых. Я любил ходить в детстве по этим мощеным спускам летом после теплых дождей. Вода иной раз вымывала из земли вместе с ржавыми гвоздями что-нибудь интересное – позеленевшую николаевскую монету... Хорошая была улица Лассалья. Тихая, чистая, красивая. Дома были интересные (у каждого свое неповторимое лицо), не то что нынешние убогие развалюхи, кое-как построенные на развалинах.

А наш дом и вовсе не узнать. Сохранился, правда, нижний кирпичный этаж. А вид с бугра почти тот же самый...

24.VIII.1971 (записано утром 25.VIII.1971 г. в поезде Воронеж – Москва).

Главное событие дня – ездили с мамой на улицу Авиационную, на Касаткину гору, как она раньше называлась. Семья Раевских жила там приблизительно до 1915 года. Дом, принадлежавший моей прабабушке, сохранился до сего времени. Она завещала его своей дочери – моей бабушке Марии Ивановне Раевской (урожденной Гавриловой). В этом доме и поселилась семья. Нынешний адрес дома – Мордовцев переулок, 6. <...> Сейчас дом разделен, одна половина сильно пострадала во время войны.

Заходили в комнаты. По словам матери, все сохранилось по-прежнему – низкие потолки с выступающими балками, двери, печь, чулан, часть пола.

Кажется, сохранилась даже одна из икон, но это предположение. Мать не была в своем родном доме лет 55.

Прошли по улицам в сторону реки. Район древний. Сохранилось много старых домов. Дом священника, красильня. А церковь Иоанна Богослова снесена. Один бурьян на кирпичах. Строят новую набережную, дымит электростанция. Вдали – в лесах – церковь Успения. Впервые в Воронеже восстанавливается в качестве памятника архитектуры одна из старинных церквей... Снова поднялись на Касаткину гору. В стороне от Каменной лестницы навалили для матери жирных лопухов (она их прикладывает к ногам – от отложения солей).

10 апреля 1972 года, понедельник.

Из «ЛГ» – на Покровку в Комитет. <...> В тесной кабине лифта вместе со мною – угрюмый, озабоченный мужчина лет 50. Почему-то не разделся в гардеробе, едет в плаще. Лицо начальственное. Уж не Стукалин ли? (8). Так и оказалось. Стукалин сразу принял меня, и довольно тепло. <...> Говорили о Воронеже, о воронежцах. В частности, о наших земляках, переехавших в Москву. Егор Исаев, Василий Песков; о других писателях и журналистах. <...> Говорили о трагической смерти А. Прасолова. Ока-

зывается, Б. И. печатал Прасолова еще в росошанской районной газете...

1 января 1973 года, понедельник.

<...> Звонили в Воронеж. Мама, отец, дядя Шура – все были рады звонку. «Свет предосенний» появился. Во всех магазинах продается в Воронеже. Отец говорит:

– Я хожу в книжный магазин каждый день. Смотрю, как твои книги покупают. Хорошо их покупают! И молодые, и старые. А я стою и слушаю, что говорят, как спрашивают книги Жигулина...

8 мая 1975 года, четверг.

<...> И еще событие дня: в «Известиях» указ о награждении г. Воронежа орденом Отечественной войны I степени. Конечно, Воронеж заслуживает звание города-героя. Как пишет в своей заметке В. Комов, «более 200 дней и ночей... во фронтовом Воронеже шли ожесточенные бои». А Киев был сдан и освобожден без боя, но получил звание города-героя. Не только с людьми, но и с городами поступают несправедливо.

27 марта 1976 года, суббота.

Приехал днем от Неустроевых к родителям. У тещи хорошо, а у матери все-таки лучше... Сейчас вечер (22.20), отец давно уж спит, а мы с матерью беседуем. Вспоминаем былое, почти забытое.

Алексеевский монастырь – где-то писали – будут восстанавливать. А разрушенная церковь под Касаткиной

С женой Ириной

горой – это церковь Иоанна Богослова. У Каменного моста – церковь Спаса. Там Лерочку (9) крестили во время войны. Церковь была обгоревшая, но работала, служила. Служила народу после освобождения города. Сейчас там какой-то склад.

Вспоминаю, что и от Митрофановского монастыря (позавчера мельком видел) сохранились какие-то маленькие церквушки и часовенки.

Сейчас на том месте, где был монастырь, стоит казенный, как тюрьма, четырехэтажный квадрат Университета. Главный корпус.

У самого берега на Гусиновке была еще церковь Взыскания погибших. Когда ее взрывали после войны, свершилось чудо: заблестели, засияли иконы на стенах.

Полагаю, это не просто легенда. От сотрясения упала поздняя закопченная штукатурка и открылась яркая ранняя роспись.

17-IV-82 г., Великая суббота.

Пришли из Воронежа эскизы оформления моей книги (10). Молодец художник Л. Карюков! И портрет похожий и интересный, особенно с дальним планом; но его надо еще проработать. Но слишком детализировать не надо. Форзац с травами-колосьями и стихотворением «О, Родина! В неярком блеске...» – просто прекрасен. Надо сделать такой же и в конце книги. И стихи «О, Родина!..» из общего текста книги не вынимать. Хороши и эскизы ко всем трем разделам. Ко второму предпочтительней железная дорога с

березой, чем сосна на вырубке. Не надо ни оленя, ни высоковольтных опор – приелось это. Да и оленей на Колыме я видел только в городе Магадане. Менять шрифт на разворотном титуле, на мой взгляд, не надо. Хороший шрифт. Особенно – соотношение размеров букв в трех ключевых словах названия.

Дуб (I раздел). Здесь можно усилить тревожную ситуацию. Впрочем, она там есть: туча, ветер, пригнутые травы, колосья.

Береза (II раздел). М. б., четче обозначить березу? Именно раскраской ствола. И убрать белую елочку. Она почти на рельсах растет. Так не бывает. Отодвинуть ее правее или вовсе убрать. Солнце или луна – непонятно. Это хорошо. М. б., прорисовать крону березы? Стилизованно, конечно.

Березы (III раздел). Слишком идеализированная картинка. Маленькие стожки, кудрявенькие березы. Какой-то тревожный элемент нужен. М. б., могила со звездой? М. б., небо сделать суровее? Да. И, наверное, «низкий холмик со звездой». Но можно им и испортить рисунок. Это прямолинейно. И нужна тогда и колокольня с крестом.

Обложка. Здесь важен материал, шрифт. Колосья внизу – хорошо. Это общий мотив. Но нижняя часть (линия) прямоугольника должна присутствовать – пусть пунктирно или отрывочно – сквозь колосья. И поскорее сдавать в производство.

26 июля 1988 года, вторник.

<...> Примечательны уже самые первые отзывы на начало, на первую часть моей повести «Черные камни». Известный писатель (поэт, прозаик и драматург) Эдуард Пашнев, давний мой товарищ и друг по литературе (начинали вместе в Воронеже почти 35 лет назад), прочитав первую часть повести, восторженно сказал: «Ты совершил важное дело. Можно сказать, даже подвиг. Ты заполнил материалом своей повести пустовавшую социальную нишу эпохи. Ты реабилитировал целое поколение, считавшееся раньше рабским и безъязычным!»

18 октября 1988 года, вторник.

<...> Заходил и был долго Олег Ласунский. Он привез протокол заседания секции критики Воронежской писательской организации от 29 сентября 1988 г. на 19 стр<ани>цах. Три экз<емпля>ра: в ЦК КПСС (в Отдел культуры), Г. Я. Бакланову и мне. Хороший протокол.

3 ноября 1988 года, четверг.

Господь явил великое чудо – «Молодой коммунар» напечатал нынче арестованную в «Монтажнике» статью А. Сорокина «Не единожды солгавший, кто тебе поверит?». Звонила А. Батуева и В. Семенов (я спал) – Воронеж ликует! Слава тебе, Господи!

26 ноября 1988 года, суббота.

<...> Г. Бакланов (11) встречался с М. С. Горбачевым и рассказал ему о травле против «Черных камней» в Воронеже.

Михаил Сергеевич распорядился, дал кому-то поручение все выяснить.

1 декабря 1988 года, четверг.

Со слов Иры (12): «Молодой коммунар» под рук<о-водством> зам<естителя> ред<актора> Вл. Колобова напечатал нынче снятые прежде обкомом ВЛКСМ материалы: интервью с А. Жигулиным и письмо членов КПМ «По праву памяти». <...> Интервью и письмо пошли в том самом виде, в котором были набраны.

<...> Звонок Валерки <Батуева>. Коммунаровцы поставили в газету материалы в... 5 часов утра, когда весь обком ВЛКСМ и весь обком партии дрыхли. В публикации рассказали о снятии материала. Но вот, мол, печатаем, ставим точку. В 18 часов состоялось внеочередное заседание бюро обкома ВЛКСМ. <...> А до этого руководителей обкома ВЛКСМ вызывали на ковер в обком партии.

Из «Молодого коммунара» звонили в ЦК КПСС... ЦК ВЛКСМ комиссию решил послать. Влететь-то влетит... Защитим ребят. <...> Уже за полночь. Пора собираться, заканчивать сборы (13).

24 мая 1989 года, среда.

Долгий, минут 20, разговор с Олегом Ласунским.

<...> О библиографическом указателе по «Черным

камням». О полном большом авторском указателе (автором будет Олег Ласунский) – и о поэзии, и о прозе. <...> О моих советских и зарубежных изданиях «Черных камней».

2.II.94, среда.

Приезжал В. Кулиничев (14). Привез посылочку из Воронежа – от себя, А. Сорокина, П. Новикова – колбасу воронежского завода, банку сардин, кажется, пачку чая и лимон. Очень меня это тронуло. Колбаса полукопченая, вкусная, как в годы застоя.

4.II.94, пятница.

...Вечером снова был Вадим Кулиничев. Он приезжал за интервью к Старшинову (15). Ира их познакомилась и все уст<р>оила. Принес Вадим еще два лимона и пачку чая – от Льва Кройчика (16). Они в Москве оба по каким-то университетским делам. Спасибо.

1 января 1996 года, понедельник.

<...> Позвонил я Эдику Пашневу. Поздравил <...> его с Новым годом. И пригласил его зайти к нам с Ирой. Никогда он у нас не был. Он радостно откликнулся и пришел с бутылкой отличной юбилейной «кристалловской» водки. Посмотрел, как мы живем. Вспомнили нашу воронежскую юность и молодость. Только двое – мы – остались в живых от всего нашего воронежского литературного поколения. Помянули хороших людей: В. Гордейчева, В. Семенова, Г. Троепольского и многих

На даче в писательском поселке Переделкино

ушедших. <...> Подарил я Эдику две книги: «Черные камни» (КП) и «Летающие дни». Он высокого мнения о моем творчестве, о судьбе моей, о роли в ней Ирины. Вспомнили начало 60-х годов, когда Ирина спорила с задиристыми молодыми воронежскими поэтами. Кто-то (Олег Шевченко и др.) утверждал в 1961-м:

– Жигулин написал свои северные стихи и кончился.

– Ничего вы не понимаете, – отвечала Ира. – Жигулин только начинается!

И была права.

6 апреля 2000 года, четверг.

Предложение Льва Кройчика издать в Воронеже в серии классиков мой большой том стихов и прозы. В основном – «Черные камни», «Урановая дочка», «Жертвы и палачи» и стихи... Но гонорар всего 10 тыс. рублей. Это передал мне Эдик Пашнев. Сам Лева звонить мне с таким предложением постеснялся. Я согласился. Помоги, Господи! (17).

29 июля 2000 года, суббота.

Сил нет, рука не пишет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первые две записные книжки А. В. Жигулина датированы апрелем – июлем 1954 года. В это время Жигулин находился в воронежской спецчасти МВД СССР, расположенной в районе Заставы, куда он и его товарищи были доставлены из разных мест заключения для переследствия по «делу КПМ».

2. Подельники А. В. Жигулина: Вася Т. – Василий Иосифович Туголуков, Юра – Юрий Степанович Киселев.

3. Абрамов Анатолий Михайлович (1917–2005) – литературовед, поэт, заслуженный деятель науки РФ.

4. Описанные в дневнике события легли в основу стихотворения «Град».

5. Пресман Григорий Аркадьевич (1926–2004) – поэт, прозаик, драматург.

6. Прасолов Алексей Тимофеевич (1930–1972) – поэт, журналист.

7. Батуев Борис Викторович (1930–1970) – создатель и руководитель КПМ, журналист.

8. Стукалин Борис Иванович (1923–2004) – советский партийный и государственный деятель; в 1950-х гг. – редактор воронежских областных газет «Молодой коммунар» и «Коммуна»; в 1970–1982 гг. – председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР, Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

9. Валерия Владимировна Жигулина – сестра А. В. Жигулина.

10. Речь идет о сборнике: Жигулин А. В. Воронеж. Родина. Любовь : Кн. лирики. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. – 350 с.

11. Бакланов Григорий Яковлевич (1923–2009) – писатель, сценарист, главный редактор журнала «Знамя» в «перестроечные» годы, участник Великой Отечественной войны, уроженец Воронежа.

12. Жигулина Ирина Викторовна (1932–2013) – жена, помощница А. В. Жигулина, литературный критик.

13. С 1 по 14 декабря 1988 года А. В. Жигулин в составе писательской делегации находился в творческой командировке во Франции.

14. Кулиничев Вадим Георгиевич (1942–2000) – воронежский журналист, театральный и литературный критик, преподаватель ВГУ.

15. Старшинов Николай Константинович (1924–1998) – поэт, переводчик, редактор.

16. Кройчик Лев Ефремович (1934–2019) – воронежский журналист, публицист, доктор филологических наук, профессор ВГУ.

17. Юбилейная книга А. В. Жигулина «Далекий колокол» вышла в Воронеже уже после смерти автора, наступившей 6 августа 2000 года.

Публикация и комментарии В. В. Колобова, доктора филологических наук, члена Союза российских писателей.

Содержание

О. Ласунский «Милая моя сторона...»	3
А. Жигулин. Страницы автобиографии	13
Родина	27
«Полынный берег, мостик шаткий...»	29
«О, жизнь! Я всё тебе прощаю...»	30
«Вот и жизнь пошла на убыль...»	31
«Воронеж!.. Родина. Любовь...»	32
«О, Родина! В неярком блеске...»	33
«Здравствуй, степная деревня...»	34
«Родина! Белый туман...»	36
«Жизнь! Нечаянная радость...»	38
«Перепёлка над пшеничным полем...»	39
«Я многих потерял родных и близких...»	40
Встреча с Воронежем	43
Якорь	44
Предок	46
На Острожном бугре	48
Пожары	50
«В обрушенном старом окопе...»	52
Град	54
Борисоглебск	56
Кордон Песчаный	57
«Громыхала бадьа у колодца...»	59
«Ветер стучал ладонями...»	60

Металлолом	61
«Вот и жизнь пошла на убыль...»	63
Утиные Дворики	64
Довоенное	66
«Земля необычная здесь...»	67
Дирижабль	68
Коршево	70
Прощание	71
Поле боя	73
«Приехала мать из Воронежа...»	75
«Кто занёс тебя, берёза...»	76
Углянец	78
«Зелёные дали померкли...»	80
«Заигрался камышинкой...»	81
«Здесь, на окраине, над лугом...»	82
«Называлась улица...»	83
«Послевоенная Россия...»	84
«Загорелась листва на берёзах...»	85
«Опять я подумал о родине...»	86
«Значок ГТО на цепочках...»	87
«Знакомый край с холодной далью...»	89
«Как жалобно ястреб кричит...»	90
Мельница	91
«Воронеж, детство, половодье...»	93
«Больше многих других потрясений...»	94
«Земля, поросшая травой...»	96
«Я приеду к тебе, отец...»	97
«Коммуна»	99
«Послевоенный майский праздник...»	101

«Земля, земля...»	102
«Дорогие родители...»	104
«Крещение. Солнце играет...»	106
«Немощёная улица...»	108
«Помню ровное поле...»	110
Музыка	112
«Отдам еврею крест нательный...»	114
Белогорье	116
На родине	118
Песчаный лог	120
Сержант Рыбаков	122
«Ах, мама, мама! Как ты пела, мама...»	124
«Мама! Дворянка Раевская...»	125
«Дальние предки – католики...»	126
«Дорого, конечно, дорого...»	127
«Только и мечтаю – поехать в Воронеж...» (фрагменты из дневника А. В. Жигулина).	
Публикация и комментарии В. Колобова	130

Анатолий Жигулин

ВСТРЕЧА С ВОРОНЕЖЕМ

(родной край в лирике поэта)

Литературно-художественное издание.

Дизайн обложки – Борцова С. В.
Компьютерная вёрстка – Борцова С. В.
Корректор – Фокина Д. Б.

Подписано в печать ??? .2021 г.
Формат 70х100 ¹/₃₂ Печать офсетная
Усл. п. л. 6,45. Тираж 300 экз. Заказ № 914.

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью
«Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru